

ISSN: 3033-6899

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

COMPREHENSIVE RESEARCH AND INNOVATION

№ 1 / 2025

<https://cri-journal.com/>

Главный редактор журнала:

Братановский Сергей Николаевич, д.ю.н., профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Ахатов Уалихан Акыпбекович, кандидат юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Бажина Мария Анатольевна, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Балашенко Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Белов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, самозанятый специалист
Девлеминк Дэвид Дж., кандидат юридических наук, Университет Чунцина, Чунцин, Китай

Запико Сара С., PhD, доцент, Технологический институт Нью-Джерси, Ньюарк, США

Кешнер Мария Валерьевна, доктор юридических наук, юридический факультет, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Лысаковский Григорий Антонович, кандидат юридических наук, доцент кафедры права интеллектуальной собственности, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Маличенко Владислав Сергеевич, доктор юридических наук, отдел социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия

Мант Джесс, PhD (докторантура), Юридическая школа Монаша, Мельбурн, Австралия

Микрюков Виктор Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Мороз Олег, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Нахова Елена Александровна, доктор юридических наук, кафедра гражданского процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

Печинская Елена, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Пилипенко Александр Анатольевич (дублирование), кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления

Подшивалов Тихон Петрович, доктор юридических наук, Южно-Уральский государственный университет, Юридический институт, Челябинск, Россия

Протасавицкий Сергей, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Раджам Ниту, PhD, Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания

Редько Александр Александрович, доктор юридических наук, Волгоградская академия МВД РФ, Волгоград, Россия

Смагина Елена Сергеевна, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-процессуального и трудового права, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Танимов Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Танимов Олег Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва

Толочко Ольга Николаевна, доктор юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Турсынкулова Динара Ахановна, кандидат юридических наук, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Фаст Ольга Фёдоровна, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет просвещения, Москва, Россия

Чаудхари Шраддха, PhD, доцент юридического факультета, Университет BML Munjal, Гургаон, Индия

Щербик Дмитрий, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: [https:// cri-journal.com/](https://cri-journal.com/)

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90282

ISSN: 3033-6899

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Comprehensive research and innovation, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

5.1.5. Международно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Comprehensive research and innovation» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Comprehensive research and innovation» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Bratanovsky Sergey Nikolayevich, Doctor of Laws, Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Akypbekovych Akhatov Ualikhan, PhD in Law, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Bazhina Maria Anatolyevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Business Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Balashenko Sergey Aleksandrovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Belov Valeriy Aleksandrovich, PhD in Law, Independent Researcher

Devlaeminck David J., PhD in Law, Chongqing University, Chongqing, China

Zapico Sara C., PhD, Associate Professor, New Jersey Institute of Technology, Newark, USA

Keshner Maria Valeryevna, Doctor of Laws, Faculty of Law, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Lysakovskiy Grigoriy Antonovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Intellectual Property Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Malichenko Vladislav Sergeevich, Doctor of Laws, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mant Jess, PhD Candidate, Monash Law School, Melbourne, Australia

Mikryukov Viktor Alekseevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Maroz Aleh, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Nakhova Elena Aleksandrovna, Doctor of Laws, Department of Civil Procedure Law, Russian State University of Justice, North-West Branch, Saint Petersburg, Russia

Pechinskaya Elena, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pilipenko Aleksandr Anatolyevich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Public Administration

Podshivalov Tikhon Petrovich, Doctor of Laws, Law Institute, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Protasavitskiy Sergey, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Rajam Neethu, PhD in Law, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark

Redko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Laws, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

Smagina Elena Sergeevna, Doctor of Laws, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tanimov Oleg Vladimirovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Tanimov Oleg Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Tolochko Olga Nikolayevna, Doctor of Laws, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Tursynkulova Dinara Akhanovna, PhD in Law, Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Fast Olga Fyodorovna, PhD in Law, Associate Professor, State University of Education, Moscow, Russia

Chaudhary Shraddha, PhD, Associate Professor, School of Law, BML Munjal University, Gurgaon, India

Shcherbik Dmitry, PhD in Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: [https:// cri-journal.com-journal.com/](https://cri-journal.com-journal.com/)

Media registration number: No. FS77-90282

ISSN: 3033-6899

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Comprehensive research and innovation, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.3. Private law (civil) sciences

5.1.5. International Legal Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Comprehensive research and innovation" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Comprehensive research and innovation" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки	9
Вавилин М.В. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАЧАЛА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	9
Кондратович Н.М. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗЫБЛЕМОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ.....	20
Каляшин А.В. ПРОБЛЕМЫ ИЗВЕЩЕНИЯ СТОРОН В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА.....	33
Хасенов М.Х. ИГНОРИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ВЛАСТИ ВЫЗОВА В СУД КАК ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	47
Фрэнсис Л. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА.....	58
5.1.5. Международно-правовые науки	69
Скобелев В.П. РИСКИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ.....	69
Пилипенко А.А. АЛЬТЕРНАТИВЫ БОЛОНСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ	81
Мукерджи У.К. ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ	94
Денонкур Дж. О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ НОРМ ИНОСТРАННОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА ОСНОВАМ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	106
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	118
Ганеш А. О СПЕЦИФИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	118
Аткинсон Дж. К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ОТКАЗА ОТ ПРИНЦИПА ВИНЫ В РАМКАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	129
Ярмоц Е. О ПРОТИВОРЕЧИИ ИДЕИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА ОБЩЕПРАВОВОМУ ПРИНЦИПУ РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ.....	141
Янгаева М.О. К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НОРМАТИВНОГО И НЕНОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА	152

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.9

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАЧАЛА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Вавилин Михаил Владимирович, к.ю.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vbelov_jur@outlook.com

Аннотация

Публично-правовые начала в цивилистическом процессе признаны его обязательной составляющей. Но в вопросах соотношения публичного и частного начал в науке пока не сформировалось однозначного мнения, поэтому тема остаётся актуальной. Это стало главной причиной обращения автора к ней. В статье рассмотрены некоторые специфические для цивилистического процесса особенности, характеризующие переплетение в нём как публично-правовых, так и частно-правовых начал. На основе анализа норм ГПК РФ обоснована ведущая роль частно-правовой составляющей в цивилистическом процессе, а также наличие в нем публично-правовых начал, которые весьма ограничены. Проанализированы также нормы советского законодательства с точки зрения соотношения частно-правовых и публично-правовых начал, сделаны выводы о более широком применении частно-правовой составляющей в современном гражданском процессе, в сравнении с советским цивилистическим процессом. Сформулированы выводы о необходимости строгого соблюдения баланса между частно-правовыми и публично-правовыми-началами, с сохранением приоритетной роли первых. Автор статьи также выразил положительную оценку советского опыта гражданско-процессуального регулирования и подчеркнул возможность заимствования советского опыта в части обеспечения сочетаемости указанных компонентов гражданского процесса.

Ключевые слова: баланс интересов, ГПК РФ, гражданское процессуальное право, принципы гражданского процесса, публичный интерес, цивилистический процесс, частный интерес

Статья поступила в редакцию 22.04.2025, одобрена после рецензирования 16.05.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

PUBLIC LAW PRINCIPLES IN THE CIVIL PROCESS

**Vavilin Mikhail Vladimirovich, Candidate of Law, National Research University
Higher School of Economics, Moscow, Russia**

Abstract

Public law principles in the civil process are recognized as its mandatory component. But there has not yet been a clear opinion on the relationship between public and private principles in science, so the topic remains relevant. This was the main reason for the author's appeal to her. The article considers some features specific to the civil process that characterize the intertwining of both public law and private law principles in it. Based on the analysis of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the leading role of the private-legal component in the civil process is substantiated, as well as the presence of public-legal principles in it, which are very limited. The norms of Soviet legislation are also analyzed from the point of view of the correlation of private law and public law principles, conclusions are drawn about the broader application of the private law component in modern civil procedure, in comparison with the Soviet civil process. The conclusions are formulated on the need to strictly maintain a balance between private and public law principles, while maintaining the priority role of the former. The author of the article also expressed a positive assessment of the Soviet experience in civil procedure regulation and

emphasized the possibility of borrowing Soviet experience in terms of ensuring the compatibility of these components of the civil process.

Keywords: balance of interests, Civil Procedure Code of the Russian Federation, civil procedure law, principles of civil procedure, public interest, civil procedure, private interest

Введение

Цивилистический процесс, который принято рассматривать как сферу частного права, без сомнения, вместе с частно-правовой составляющей, содержит и публично-правовую. Причем оценить соотношение указанных составляющих исключительно на основе норм гражданского процессуального законодательства невозможно по причине отсутствия в нем упоминаний о данном аспекте. Соответственно, рассматриваемый вопрос, хотя и непосредственно затрагивает законодательство, в практике решается в основном в рамках научного дискурса, что придает ему особо спорный характер.

Однако вопрос о публичной составляющей важен и для решения проблем практических, так как напрямую связан с определением принципов данного процесса, а они, как указывает профессор Н. А. Громошина, являются основой судебной деятельности [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 85].

Отдельные нормы, содержащиеся в ГПК РФ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], а также в других источниках законодательства, косвенно свидетельствует о наличии существенной публичной составляющей. Однако, учитывая преобладание частной инициативы в гражданском процессе, ответить однозначно на многие вопросы о природе такого процесса чрезвычайно сложно.

Основная часть

Публично правовые начала свойственны цивилистическому (гражданскому) процессу в силу самой сущности власти, поскольку она, реализуемая государством, носит исключительно публичный характер. Это означает, что и те государственно-правовые институты, посредством которых

власть реализуется, тоже являются публичными, хотя бы в определённой части. Правосудие же, как сфера реализации власти государства, соответственно, не может не иметь публичных начал. Из этого следует и логичность признания публично-правовых начал в гражданском процессе.

Но что же представляют собой публично-правовые начала в данном процессе? С. А. Курочкин считает, что к таким началам следует относить:

- во-первых, условия, исходя из которых обеспечивается рассмотрение дела в соответствии с определённым общим для всех порядком органом, наделённым судебной властью;

- во-вторых, определённые единые стандарты справедливого разбирательства [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 46].

То есть в гражданском процессе публичными можно считать те начала, идеи, которые важны для общества и государства в целом, которые формируют некоторые общие для всех условия и порядки судебных разбирательств и по этой причине имеют публичную значимость.

Частно-правовые начала цивилистического процесса – это те основы, которые дают возможность субъектам данного процесса, исходя из собственного волеизъявления, принимать юридически значимые решения и определять условия процесса [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 52]. Такие начала являются фактором использования норм гражданского процесса сугубо в собственных интересах.

Конечно, данные основы тесно переплетаются друг с другом и подчас их разделить может быть весьма проблематично. Но если брать в расчет субъекта, правомочного принимать решение по тому или иному вопросу, то разграничение публичной и частной сферы интересов, публичной и частной правовой составляющей становится не столь уж затруднительной задачей. Например, если вопрос об обращении с иском в суд решается исключительно на основе волеизъявления гражданина, то такой вопрос относится к сфере частного интереса. В тех же случаях, когда вопрос об иске решается с участием

государства, в государственных и (или) общественных интересах, то уместно говорить о наличии публичного интереса, публичной составляющей.

Ведущая роль частно-правовых начал в цивилистическом процессе очевидна: ч. 1 ст. 4 ГПК РФ предусматривает в основания для возбуждения гражданского дела заявление лица, обращающегося за защитой своих прав, свобод и интересов. Обращение в защиту публичных интересов, в соответствии с ч. 2 ст. 4 ГПК РФ, возможно лишь в предусмотренных законом случаях, то есть в качестве своеобразного исключения. То есть если ориентироваться на указанные нормы, можно с уверенностью говорить о преобладании частно-правовой составляющей, но считать её единственной нельзя. Публично-правовая составляющая тоже присутствует, что не вызывает каких-либо сомнений, однако её наличие весьма ограничено.

Подтверждение присутствующей публичной составляющей в цивилистическом процессе можно найти во многих нормах ГПК РФ, особенно в главе 1, где отражён ряд принципов, на которых базируется данный процесс. Публичная составляющая наиболее явно прослеживается в ст. 2 ГПК: задачи, которые призвано выполнять гражданское судопроизводство, во многом носят публичный характер, поскольку напрямую затрагивают интересы всего Российского государства и общества, хотя и частно-правовая составляющая в задачах раскрывается весьма чётко.

Особую роль в предании гражданскому процессу публичного характера играет ст. 10 ГПК, обеспечивающая гласность, которая предполагает прежде всего открытое разбирательство. Из этого правила, однако, сделан ряд исключений, которые в данном исследовании нет необходимости анализировать. Но этот аспект отражает переплетение как публичных, так и частных начал цивилистического процесса с преобладанием первых. Это один из немногих случаев, когда именно в рамках гражданского процесса публичная составляющая является приоритетной.

То есть публично-правовые начала в цивилистическом процессе современной России, безусловно, присутствуют, и они не малозначимы, но в сравнении с публичными началами советского цивилистического процесса они менее выражены. Достаточно детально этот вопрос проанализировала Н. А. Громошина, обратив внимание на ряд существенных различий.

Среди характеристик цивилистического процесса она отметила его аполитичность [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 85]. Данная черта особенно важна для раскрытия преобладающей частно-правовой составляющей. То есть из признания аполитичности гражданского процесса следует и его частный характер. Но можно отметить и иную зависимость: из частно-правового характера гражданского процесса следует его аполитичность. Изложенное, однако, не свидетельствует о том, что, например, административный или уголовный процессы, являющиеся публичными, политизированы. Тем не менее, как мы считаем, политическая составляющая и в уголовном, и в административном процессе, если таковая присутствует, несомненно, более значима, нежели в гражданском.

Тем не менее, аполитичность, свойственная гражданскому процессу, усматривается также и в других отраслях законодательства. В этом современный цивилистический процесс принципиально отличен от цивилистического процесса советского периода. Если же говорить о публичных процессах, которые регулируется современным российским правом, то вряд ли можно усмотреть какие-либо значимые отличия, ведь в целом современное российское право является неполитизированным, за некоторыми исключениями.

Меньшая выраженность публичных начал в современном цивилистическом процессе становится наиболее очевидной, если обратиться к Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г. [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] (Основы гражданского судопроизводства 1961 г.).

Первое, на что стоит обратить внимание в указанном документе, - запятая это особая роль суда, которая отчасти нивелировала фактор состязательности. Н. А. Громошина, признавая указанную особенность, отмечает усиление состязательности в современном цивилистическом и «сведение к нулю» активности суда. Ранее же активность суда была настолько значимой, что гражданский процесс мог характеризоваться как следственный, а не состязательный [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 86]. Конечно, говорить о полном нивелировании активности суда в деле содействия сторонам вряд ли возможно. Но в сравнении с советской практикой активность современного суда минимальна. То есть законодатель исходит из возможностей и обязанностей каждой из сторон самостоятельно решать вопрос о собирании и представлении доказательств.

Указанным автором негативно расценивается отстранённость государства и общества от содействия защите прав в рамках цивилистического процесса [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 87]. Для такого утверждения есть определённые основания. Ст. 16 Основ гражданского судопроизводства 1961 г. прямо предусматривала содействие в осуществлении прав участников процесса и исключала ограничение суда представленными доказательствами. Суд в то время был максимально свободен в применении любых законных мер для всестороннего, полного и объективного выяснения значимых обстоятельств. Сейчас же порядок принципиально иной: роль в большей мере играют формальные обстоятельства, нежели фактические, и суд, как и общество в целом, столь активного участия в деле не принимают. А это значит определённое нивелирование публичной составляющей в цивилистическом процессе современной России.

Н. А. Громошина ставит под сомнение и зафиксированный в ст. 10 ГПК РФ принцип гласности [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 87], чему тоже есть свои основания, кроющиеся в различном понимании указанного принципа в рамках советского и современного законодательства.

С одной стороны, и в советском цивилистическом процессе, и в современном принцип гласности был признан в качестве одного из основополагающих. Однако если ч. 11 Основ 1961 г. предусматривала публичное провозглашение решения во всех случаях, в том числе и при проведении закрытого заседания, то ч. 8 ст. 10 ГПК РФ в случаях закрытого судебного заседания исключает возможность провозглашения решения публично. В этом очевидно существенное изъятие из принципа публичности. Можно ли считать такой подход законодателя оправданным, сказать сложно. Конечно, законодатель руководствуется интересами несовершеннолетних участников процесса. Однако, в какой степени исключение из принципа публичности отвечает интересам несовершеннолетних в действительности, сказать невозможно.

Представленные выше отличия современного гражданского процесса от советского гражданского процесса конечно же показывают снижение роли публично-правовых начал, но не полное их нивелирование. И характер изменений, которые произошли в течение последних нескольких десятилетий в области гражданского процессуального законодательства, подтверждает явное усиление частно-правовых начал.

Учитывая конвергенцию частного и публичного права [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 168], разграничение указанных составляющих становится ещё более затруднительным. А это означает, что определение соотношения указанных аспектов в цивилистическом процессе – задача крайне объёмная. Поэтому в рамках статьи возможно лишь примерно определить баланс между указанными составляющими.

Для этого нам представляется важным признание приоритетной роли частно-правовых начал цивилистического процесса и ограниченности публично-правовых начал. Наличие же последних обусловлено заинтересованностью государства в рассмотрении каждого гражданского дела, а также участием государства в защите собственных гражданских прав, и интересов общества, а

также тех субъектов, которые не имеют возможности по объективным причинам свои гражданские права и интересы защищать.

В литературе важность соблюдения баланса тоже подчёркивается. При этом акцент делается не только на публичной и частно-правовой составляющих, но и на императивном и диспозитивном аспектах гражданского процесса [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 72].

Тем не менее, говоря о балансе, нельзя отрицать признание государственного интереса [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 25–35] жизненно важной основой существования общества. Исходя из этого обеспечивается участие государства в цивилистическом процессе, причем в той мере, в какой это отвечает государственному интересу.

Заключение

Цивилистический процесс, бесспорно, имеет в своей основе и частно-правовую, и публично-правовую составляющие. Но первая в целом является приоритетной. Поэтому природу цивилистического процесса представляется более правильным характеризовать как смешанную (частно-публичную), с приоритетной ролью частно-правовой составляющей.

Публично-правовые начала в современном цивилистическом процессе выражены в меньшей степени, нежели в советском цивилистическом процессе, что во многом обосновывается его состязательностью и широкой свободой сторон. Однако, в некоторых нюансах есть смысл рецепции советского опыта, в частности, в более активной роли суда. Для этого необходим пересмотр норм ГПК РФ. В то же время важно сохранять баланс между частно-правовыми и публично-правовыми началами, сохраняя приоритетную роль первых.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 08.12.1961 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 526. (документ утратил силу).
3. Богдан В. В., Манукян А. Р., Алымов А. А. К вопросу о системе права: проблемы конвергенции частного и публичного права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 165–170.
4. Громошина, Н. А. О принципах цивилистического процесса в условиях, когда «современная модель капитализма исчерпала себя» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12(88). С. 83–89.
5. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3(98). С. 69–77.
6. Курочкин С. А. Частные и публичные начала в системе гражданского процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 5(80). С. 44–54.
7. Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2021. 268 с.

References

1. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
2. Osnovy` grazhdanskogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuzny`x respublik ot 08.12.1961 // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1961. № 50. St. 526. (dokument utratil silu).
3. Bogdan V. V., Manukyan A. R., Aly`mov A. A. K voprosu o sisteme prava: problemy` konvergencii chastnogo i publichnogo prava // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2017. № 6. S. 165–170.
4. Gromoshina, N. A. O principax civilisticheskogo processa v usloviyax, kogda «sovremennaya model` kapitalizma ischerpala sebya» // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2021. № 12(88). S. 83–89.

5. Kuras T. L. Princip dispozitivnosti v rossijskom grazhdanskom processe: sovremenny`e i istoricheskie aspekty` // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 3(98). S. 69–77.
6. Kurochkin S. A. Chastny`e i publichny`e nachala v sisteme grazhdanskogo processa // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2011. № 5(80). S. 44–54.
7. Smagina E. S. Uchastie gosudarstva v sovremennom civilisticheskom processe: monografiya. M.: Statut, 2021. 268 s.

Научная статья

УДК 347.23

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗЫБЛЕМОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ

**Кондратович Наталья Михайловна, к.ю.н., доцент кафедры конституционного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь,
kondratn.minsk@yandex.ru**

Аннотация

В статье поднимается проблема защиты прав и законных интересов собственника (первоначального собственника) и добросовестного приобретателя как собственника. Основное внимание уделено проблеме истребования добросовестно приобретённого имущества, которое ранее было из владения первоначального собственника по независящим от него обстоятельствам. Рассмотрены некоторые примеры судебной практики, отражённые в актах Конституционного Суда и Верховного Суда РФ, связанные со спорами по поводу истребования имущества, а именно жилых помещений. Однако в целом рассматриваемая проблема касается не только жилых помещений, но и любого иного дорогостоящего имущества, в том числе иной недвижимости, автотранспорта и пр., на что тоже указывается в статье. Обозначены критерии оценки добросовестности, учитываемые в рамках защиты права собственности. Автором положительно оценивается производимая за счет государства компенсация за истребованное имущество как инструмент защиты интересов добросовестного приобретателя, но отмечаются недостатки этого инструмента, а именно необходимость самостоятельного обращения в суд (при наличии фактической возможности рассмотрения вопроса о компенсации в рамках судебного разбирательства по делу об истребовании имущества). Указывается на возможность получения компенсации исключительно гражданам за жилые помещения. Основная мысль, обосновываемая автором,

состоит в целесообразности распространения механизма компенсации на все дорогостоящие сделки, в том числе с участием юридических лиц, но при одновременном наделении государства правом предъявления регрессных требований к нарушителям, по вине которых имущество выбыло из владения первоначального собственника.

Ключевые слова: ЕГРН, законность сделки, принцип добросовестности, добросовестный приобретатель, защита прав добросовестного приобретателя, права собственника, право собственности

Статья поступила в редакцию 16.04.2025, одобрена после рецензирования 20.05.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING THE INVIOABILITY OF THE PROPERTY RIGHT OF A BONA FIDE ACQUIRER

Kondratovich Natalia Mikhailovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The article raises the issue of protecting the rights and legitimate interests of the owner (the original owner) and the bona fide acquirer as the owner. The main attention is paid to the problem of the claim of conscientiously acquired property, which was previously disposed of by the original owner due to circumstances beyond his control. Some examples of judicial practice reflected in the acts of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation related to disputes over the claim of property, namely residential premises, are considered. However, in general, the problem under consideration concerns not only residential premises, but also any other expensive property, including other real estate, vehicles, etc., which is also indicated in the article. The criteria for assessing good faith, which are taken into account in the framework of

the protection of property rights, are outlined. The author positively assesses the compensation provided by the state for the claimed property as a tool to protect the interests of a bona fide acquirer, but notes the disadvantages of this tool, namely the need to apply to the court independently (if there is an actual possibility of considering compensation in the framework of judicial proceedings in the case of property claim). The possibility of receiving compensation exclusively to citizens for residential premises is indicated. The main idea, justified by the author, is the expediency of extending the compensation mechanism to all expensive transactions, including those involving legal entities, but at the same time giving the state the right to make recourse claims against violators, through whose fault the property was removed from the possession of the original owner.

Keywords: EGRN, legality of the transaction, principle of good faith, bona fide acquirer, protection of the rights of a bona fide acquirer, the rights of the owner, the right of ownership

Введение

Идея признания и обеспечения государственной охраны права собственности, в том числе частной собственности, без сомнения рассматривается как фундамент экономической политики современного цивилизованного государства. При более широком рассмотрении указанной идеи становится очевидной ее основополагающая роль и в общей государственной политике, потому как многие институты современного государства и общества базируются на указанной идее. То есть в целом указанная идея находит выражение практически в любой сфере, так или иначе связанной с удовлетворением материальных потребности (интересов) государства, общества, каждого гражданина, где признаются и защищаются равным образом государственная, частная, также иные формы собственности.

Подтверждением изложенных тезисов, безусловно, являются нормы Конституции РФ [1], посвященные вопросам собственности, из которых следует

юридическое равенство разных форм собственности в части признания и государственной охраны, а также особая роль частной собственности. Помимо того, уместно упомянуть Гражданский кодекс РФ [2] (далее – ГК РФ), как довольно объемный источник законодательства, во многом ориентированный именно на упорядочение соответствующих отношений собственности и иных связанных и ними отношений. Из этого можно судить о крайне важной роли права собственности, а также роли инструментов, обеспечивающих незыблемость этого права. И такого рода инструменты можно назвать «ахиллесовой пятой» российского гражданского права, в том числе в контексте охраны (защиты) прав добросовестного приобретателя. Именно на этой проблематике автор статьи акцентирует внимание.

Основная часть

Детализируемые в ГК РФ конституционные идеи незыблемости права собственности, в том числе частной, требуют особого внимания, поскольку именно ими (как в части закрепления, так и в части правоприменения) определяется реальная проблематика данного исследования. Они сосредоточены преимущественно в гл. 20 ГК РФ и в целом состоят в следующем:

- 1) наделение собственника правом истребовать свое имущество из чужого неправомерного владения (ст. 301 ГК РФ);
- 2) установление которых ограничений на истребование имущества от добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ);
- 3) наделение собственника правом требовать устранения любых нарушений его права (ст. 304 ГК РФ);
- 4) наделение собственника правом на получение возмещения в связи с прекращением права собственности по решению уполномоченных органов (ст.ст. 279, 306 ГК РФ).

В целом указанные нормы представляются и логически, и юридически обоснованными. Содержание данных норм не вызывает вопросов о их соответствии Конституции РФ в части признания и защиты права собственности.

Однако, об эффективном решении задачи обеспечения правовых гарантий добросовестному приобретателю имущества говорить не приходится, когда его интересы вступают в конфликт с интересами предыдущего законного собственника. Для более детального осмысления этих нюансов обратимся к ст. 302 ГК РФ, которая позволяет истребовать от добросовестного приобретателя имущество в тех случаях, когда оно выбыло из владения законного собственника или иного законного владельца помимо его воли. В этом смысле, учитывая п. 1 указанной статьи, не приходится говорить о том, что права добросовестного приобретателя безоговорочно защищены: любой субъект, приобретя то или иное имущество, даже предварительно предприняв все разумные допускаемые законом меры для обеспечения юридической чистоты сделки, может в итоге лишиться приобретенного имущественного объекта. С другой стороны, указанная норма позволяет собственнику быть уверенным в том, что даже в результате неправомерного выбытия из его владения имущества и последующей продажи, оно может быть истребовано на совершенно законных основаниях. В этом весь парадокс ситуации.

Поэтому говорить об однозначно несправедливых нормах ГК РФ в части защиты права собственности не приходится. Здесь усматриваются некоторые противоречия интересов разных субъектов, причем одновременно являющихся добросовестными.

В тоже время законодатель устанавливает некоторые ограничения в части реализации возможности истребования имущества от добросовестного приобретателя. Так, согласно п. 3 ст. 302 ГК РФ, деньги, а также ценные бумаги на предъявителя истребованию от добросовестного приобретателя не подлежат. Помимо того, ГК РФ в п. 4 ст. 302 исключает возможность истребования жилого помещения от добросовестного приобретателя по истечении 3 лет с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр о праве собственности. Причем это касается именно первого добросовестного приобретателя. Поэтому не случайно положения ГК РФ, призванные обеспечить

защиту прав и законных интересов собственника, в том числе являющегося добросовестным приобретателем, оказывались в центре внимания судов высших инстанций – Конституционного и Верховного судов РФ.

Так, в 2021 г. Конституционный Суд РФ, оценивая соответствие Основному Закону страны п. 1 ст. 302 ГК РФ, но в контексте распоряжения общим имуществом супругов, подчеркнул, в частности:

1) важность защиты прав добросовестных субъектов гражданских правоотношений, которые проявляют добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность;

2) недопустимость игнорирования законных интересов приобретателя жилья;

3) невозможность рассмотрения самого факта внесения соответствующей записи о праве на жилье в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) как неопровержимого доказательства наличия такого права;

4) презумпция добросовестности приобретателя жилого помещения, который доверяет данным ЕГРН, совершая сделку в отношении такого объекта;

5) принятие супругом своевременных мер по контролю над общим имуществом и надлежащему оформлению своего права собственности как условие следования принципу разумности и осмотрительности;

6) признание п. 1 ст. 302 ГК РФ соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой он не допускает изъятие у добросовестного приобретателя жилья, купленного у третьего лица, если иск об изъятии заявил бывший супруг как участник общей совместной собственности, не предпринявший своевременных разумных мер по контролю над общим имуществом супругов и надлежащему оформлению своего права [4].

То есть исходя из изложенной позиции Конституционного Суда РФ, оценивать надлежит как действия (бездействие) приобретателя (добросовестного приобретателя), так и собственника (предыдущего собственника), в связи с чем усматривается определённая правовая конкуренция

между данными субъектами гражданского оборота, причем основной акцент при такой оценке делается на проявлении должной осмотрительности (осторожности).

И в связи с изложенным довольно спорным является вопрос о том, что же именно надлежит считать проявлением осмотрительности и осторожности. С точки зрения Конституционного Суда РФ, приобретателю достаточно полагаться на данные ЕГРН, однако в целом сложившаяся практика не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, что же в каждом конкретном случае является проявлением осмотрительности, которой достаточно для признания добросовестности, ведь с одной стороны, она должна быть разумной, что предполагается наличие некоторых пределов проверки юридической чистоты сделки; с другой стороны, меры, в которых осмотрительность и осторожность выражается, должны быть достаточными. А учитывая ту же позицию Конституционного Суда РФ, не признающего неопровержимость сведений из ЕГРН, достаточность обращения лишь к этому Реестру вызывает определённые сомнения. Иными словами, к данным ЕГРН обращаться необходимо, однако этого не всегда может быть достаточно для того, чтобы субъект однозначно был признан добросовестным приобретателем, по крайней мере, применительно к случаям совершения сделок с жилыми помещениями.

С другой стороны, взгляд Конституционного Суда РФ на ЕГРН как на Реестр, информация из которого может быть опровергнута, вызывает определённые вопросы, особенно с учётом п. 1 ст. 8.1 ГК РФ, предусматривающего внесение данных в ЕГРН исходя из принципов проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности данных.

В контексте изложенного целесообразно обратить внимание и на позицию Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, которые в совместном Постановлении подчеркнули следующее, в частности:

1) срок давности, пропущенный заинтересованным субъектом, может быть восстановлен при наличии уважительных причин;

2) о добросовестности приобретателя свидетельствует соответствие сделки всем признакам ее действительности, причём совершение сделки неуправомоченным отчуждателем в таком случае является исключением [5].

Из этой судебной позиции следует, что возможность истребования жилого помещения от добросовестного приобретателя лишь условно ограничивается тремя годами с момента внесения записи в ЕГРН. Фактически же данный срок может быть бесконечно длительным, в связи с чем ни в какой момент владения жильём нельзя быть полностью уверенным в том, что сделка, на основании которой оно перешло к приобретателю, не будет оспорена кем-либо.

Кроме того, немаловажную роль играет наличие законных правомочий отчуждателя, во всяком случае применительно к сделкам с жилыми помещениями. Соответственно, одних только данных ЕГРН становится явно недостаточно, поскольку об отсутствии правомочий отчуждателя может свидетельствовать не только отсутствие формально зарегистрированного права в ЕГРН, но и, например, наличие психического расстройства, не позволяющего осознавать смысл совершаемых действий.

В контексте изложенного стоит признать, что в науке отечественного гражданского права пока ещё не выработано чёткого понимания того, что же следует понимать под добросовестностью [10, с. 84]. Это вполне справедливо и применительно к понятию должной осмотрительности. Тем не менее, некоторые общие представления об этом сформированы. И применительно к отдельным категориям сделок, как правило, являющимся крупными, подлежащими государственной регистрации, ключевым признаком (условием) проявления добросовестности и должной осмотрительности выступает обращение к данным соответствующих государственных реестров [6, с. 77]. Тем не менее, этого недостаточно, о чем говорилось выше.

Более того, в судебной практике встречаются случаи, когда от тех или иных участников гражданского оборота для подтверждения их добросовестности требуют подтверждения совершения таких действий, для

которых они не имеют никаких возможностей. Так, в рамках одного из споров, дошедших до рассмотрения в Верховном Суде РФ, судами нижестоящих инстанций доводы добросовестного приобретателя опровергались тем, что он якобы не проявил достаточной степени осмотрительности и добросовестности, поскольку не проверил должным образом копию паспорта продавца и её свидетельство о рождении. Более того, по мнению районного суда, приобретатель должен был и оценить определённые действия нотариуса, проверив документ о выдаче права на наследство. Конечно, Верховный Суд РФ признал такой подход неправомерным, расценив указанные требования как избыточные в контексте оценки добросовестности и осмотрительности [7]. Здесь надо отметить, что внедрение подобной практики, исходя из которой приобретатель должен был бы проверять и соблюдение порядка оформления нотариальных документов, закрепляющих права, могло бы подорвать все доверие к данному институту.

На сегодняшний день законодатель не создал какого-либо эффективного инструмента, который бы позволил во всех без исключения случаях обеспечивать надёжную защиту прав и добросовестного приобретателя (как собственника), и первоначального собственника, имущество которого выбыло из его владения по независящим от него причинам. При этом отечественный законодатель основной акцент делает именно на защите прав первоначального собственника, что было присуще и советскому праву [9, с. 105].

Вместе с тем, нельзя не признать действенность такого средства, как предусмотренная ст. 68.1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О государственной регистрации недвижимости» [3] компенсация добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения. Благодаря указанной норме для добросовестного приобретателя жилого помещения фактически нивелируется утрата приобретённого имущественного объекта в том случае, если этот объект незаконно выбыл из владения первоначального собственника. Однако и эта норма имеет определённые недостатки: прежде

всего, компенсация полагается исключительно физическому лицу; кроме того, для её получения гражданин должен обратиться в соответствующий суд.

Критикуя такие положения, в литературе, высказывается идея о целесообразности исключения необходимости обращения в суд в подобных случаях и целесообразности присуждения компенсации одновременно с принятием судебного решения о возвращение жилого помещения первоначальному собственнику [8]. Думается, что такой подход мог бы определённо сократить нагрузку на суд, поскольку дополнительные судебные процессы оказались бы не нужны. Но законодатель пока к этому решению не пришёл.

Заключение

Действующее законодательство, как и практика его применения, ещё далеки от совершенства в части обеспечения незыблемости права собственности, в том числе права собственности добросовестного приобретателя. В этой связи инструмент такое средство, как компенсация за истребование имущества от добросовестного приобретателя, было бы целесообразно распространить на все случаи совершения крупных сделок (с жильём, автотранспортом и пр.), в том числе с участием юридических лиц. Очевидно, что за соответствующие ошибки в реестрах, где те или иные права и (или) сделки фиксируются, должно отвечать государство. В то же время само государство целесообразно наделить правом предъявления регрессных требований к субъектам, по вине которых то или иное имущество выбыло из владения первоначального собственника.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета 1993. 26 дек.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева» // Российская газета. 2021. 26 июля.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010. 21 мая.
6. Демкина А. В. Проблемы защиты интересов добросовестного приобретателя недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 3(222). С. 75-80.
7. Козлова Н. Верховный суд РФ защитил добросовестных покупателей квартир // Российская газета – Федеральный выпуск. 2024. № 6 (9248). URL: <https://rg.ru/2024/01/14/kuda-eshche-zaglianut.html>
8. Лоренц Д. В. Компенсация добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 7(116). С. 49-59.
9. Подоплелова О., Степанов Д. Добросовестные приобретатели против недобросовестного государства: дело Александра Дубовца в Конституционном Суде России Комментарий к Постановлению от 22 июня 2017 года № 16-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6(121). С. 101-114.

10. Султонова Т. И. Категория добросовестности в гражданском и конкурентном праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22, № 1. С. 84-90.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta 1993. 26 dek.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
3. Federal`ny`j zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ (red. ot 26.12.2024) «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2015. № 29 (ch. I). St. 4344.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.07.2021 № 35-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat`i 302 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina E.V. Mokeeva» // Rossijskaya gazeta. 2021. 26 iyul.
5. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF № 10, Plenuma VAS RF № 22 ot 29.04.2010 (red. ot 12.12.2023) «O nekotory`x voprosax, vznikayushhix v sudebnoj praktike pri razreshenii sporov, svyazanny`x s zashhitoy prava sobstvennosti i drugix veshhny`x prav» // Rossijskaya gazeta. 2010. 21 maj.
6. Demkina A. V. Problemy` zashhity` interesov dobrosovestnogo priobretatelya nedvizhimosti // Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2020. № 3(222). S. 75-80.
7. Kozlova N. Verxovny`j sud RF zashhitil dobrosovestny`x pokupatelej kvartir // Rossijskaya gazeta — Federal`ny`j vy`pusk. 2024. № 6 (9248). URL: <https://rg.ru/2024/01/14/kuda-eshche-zaglianut.html>
8. Lorencz D. V. Kompensaciya dobrosovestnomu priobretatelyu za utratu im zhilogo pomeshheniya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2020. T. 15, № 7(116). S. 49-59.

9. Podoplelova O., Stepanov D. Dobrosovestny`e priobretateli protiv nedobrosovestnogo gosudarstva: delo Aleksandra Dubovcza v Konstitucionnom Sude Rossii Kommentarij k Postanovleniyu ot 22 iyunya 2017 goda № 16-P // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. № 6(121). S. 101-114.
10. Sultonova T. I. Kategoriya dobrosovestnosti v grazhdanskom i konkurentnom prave // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2022. T. 22, № 1. S. 84-90.

Научная статья

УДК 347.923

ПРОБЛЕМЫ ИЗВЕЩЕНИЯ СТОРОН В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Каляшин Андрей Владимирович, к.ю.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал, кафедра конституционного и муниципального права, Владимир, Россия, agutor1959@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются некоторые актуальные проблемы, касающиеся извещения сторон в гражданском процессе. Дается обзорный анализ основных положений ГПК РФ, направленных на регулирование порядка извещения сторон, а также норм ГК РФ в части требований к доставке юридически значимых сообщений, на основе чего делается вывод о противоречиях между нормами процессуального и материального права. В качестве важнейшей проблемы подчеркивается неединообразие судебной практики, выражающееся в разрешении однотипных вопросов на основе принципиально различающихся подходов. Другая проблема усматривается в возможности вручения повестки членам семьи адресата при его отсутствии по месту жительства, что фактически означает извещение ненадлежащих лиц. Часть проблем автором связывается с деятельностью почты России, выступающей фактически монополистом на рынке почтовых услуг. Обсуждаются некоторые альтернативные варианты решения выявленных проблем, представленные в литературе. По результатам анализа автор приходит к выводам о необходимости изменения гражданско-процессуального законодательства, а именно об исключении возможности вручения судебной повестки членам семьи отсутствующего адресата, а также о дополнении к ГПК РФ положениями, дающими возможность использовать СМС-сообщения в целях извещения без получения согласия на то самого адресата.

Ключевые слова: вызов в суд, Госуслуги, ГПК РФ, гражданское судопроизводство, извещение сторон, неявка в суд, повестка

Статья поступила в редакцию 30.03.2025, одобрена после рецензирования 04.05.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

PROBLEMS OF NOTIFYING THE PARTIES IN THE FRAMEWORK OF THE CIVIL PROCEDURE

**Kalyashin Andrey Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vladimir Branch, Department of Constitutional and Municipal Law, Vladimir,
Russia**

Abstract

The article explores some current issues concerning the notification of parties in civil proceedings. An overview analysis is given of the main provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation aimed at regulating the procedure for notifying the parties, as well as the norms of the Civil Code of the Russian Federation regarding the requirements for the delivery of legally significant messages, on the basis of which a conclusion is drawn about contradictions between the norms of procedural and substantive law. The nonuniformity of judicial practice, expressed in the resolution of the same type of issues on the basis of fundamentally different approaches, is emphasized as the most important problem. Another problem is seen in the possibility of serving a summons to the family members of the addressee in his absence at the place of residence, which in fact means notifying the wrong persons. Part of the author's problems is related to the activities of the Russian Post, which acts as a virtual monopolist in the postal services market. Some alternative solutions to the identified problems presented in the literature are discussed. Based on the results of the analysis, the author concludes that it is necessary to change the civil procedure legislation,

namely, to exclude the possibility of serving a court summons to family members of the absent addressee, as well as to supplement the Civil Procedure Code of the Russian Federation with provisions allowing the use of SMS messages for notification purposes without obtaining the consent of the addressee.

Keywords: subpoena, Public services, Civil Procedure Code of the Russian Federation, civil proceedings, notification of the parties, failure to appear in court, summons

Введение

Извещение сторон и прочих лиц, участвующих в гражданском деле, заслуживает особого внимания как весьма актуальная тема. Само извещение и о судебных заседаниях, и об иных значимых фактах в рамках гражданского процесса есть не только важный элемент судопроизводства, но и обязательное условие реализации соответствующими субъектами их законных прав и исполнения обязанностей. Поэтому законодатель не случайно уделяет большое внимание вопросам извещения. Тем не менее, он упускает из виду некоторые значимые нюансы, в связи с чем регулирование в этой сфере продолжает быть далёким от совершенства. Правоприменительная практика в условиях проблемного законодательства тоже остаётся достаточно проблемной: не всегда стороны надлежаще уведомляются о судебных заседаниях, а споры по этому поводу разрешаются не вполне единообразно. Поэтому считаем важным в рамках данной статьи обратить внимание на соответствующие проблемы и предпринять попытки к поиску возможностей их устранения.

Основная часть

Сначала необходимо рассмотреть ключевые положения Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ [2] (ГПК РФ), регулирующие порядок извещения участвующих в деле лиц, и, прежде всего, сторон. Ч. 1 ст. 113 ГПК РФ предписывает участвующих в гражданском деле лиц и прочих субъектов извещать о необходимости явки в суд (вызывать в суд):

- заказным письмом с уведомлением о вручении;
- судебной повесткой с уведомлением о вручении;
- телефонограммой;
- телеграммой;
- по факсимильной связи;
- с использованием иных средств связи и доставки.

Здесь важно обратить внимание на обязательное условие извещения: должна иметься возможность фиксации самого извещения или вызова, и факта его вручения. При этом перечисленные варианты извещения, исходя из смысла рассматриваемой нормы, носят альтернативный характер. Однако невозможно сделать однозначный вывод о том, какой именно из вариантов извещения является более предпочтительным. Более того, не вполне понятно и то, насколько данные способы извещения взаимозаменяемы.

В указанной норме видна диспозитивность самого порядка извещения в рамках гражданского судопроизводства, что в определённой степени упрощает работу суду, а с другой стороны, создаёт условия для возникновения споров по поводу надлежащего извещения.

Ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ предусматривает возможность извещения судом сторон или иных участников, относящихся к органам публичной власти, посредством размещения соответствующей информации в сети Интернет. При этом полный риск негативных последствий в результате неполучения информации о деле закон возлагает именно на эти органы. Хотя в условиях отсутствия возможности получения доступа в сеть Интернет допускается и использование иных средств извещения

Важное внимание законодатель обращает и на необходимость заблаговременного извещения, что должно позволить подготовиться к участию в деле и явке в суд (ч. 3 ст. 113 ГПК РФ).

Адрес, по которому надлежит направить судебное извещение, указывается либо самим лицом, либо его представителем. Причём закон допускает

направление извещения и по месту работы, если гражданин не проживает по соответствующему адресу, который известен суду.

Особое внимание следует обратить на ч. 7 ст. 113 ГПК РФ, которая предписывает направлять судебные извещения в электронном виде посредством единого портала «Госуслуги». Использование данного инструмента обеспечивает максимально оперативное выполнение и самой обязанности извещения.

Ч. 1 ст. 115 ГПК РФ предписывает направлять судебные повестки и иные извещения по почте, посредством единого портала «Госуслуги», системы электронного документооборота, что это в определённой степени проясняет сам порядок извещения. И исходя из этого становится очевидно, что почта — предпочтительное средство извещения, исходя из позиции законодателя.

Однако при обращении к другим нормам законодательства становится не совсем понятным, как именно реализовать посредством почтовой связи возможность вручения повестки лично под расписку гражданину, как того требует ч. 1 ст. 116 ГПК РФ.

Полноценное соблюдение указанного выше условия о личном вручении повестки оказывается и вовсе под вопросом ввиду абз. 1 ч. 2 ст. 116 ГПК РФ, позволяющего вручать повестку кому-либо из проживающих совместно с вызываемым гражданином, если доставляющее повестку лицо не застало его по месту проживания. Конечно, на первый взгляд, такую возможность можно считать оправданной необходимостью выполнения задачи извещения лица о юридически значимом факте и ограниченностью сроков разбирательства по гражданскому делу. Но нельзя игнорировать то обстоятельство, что проживающий совместно с адресатом гражданин может быть не заинтересован во вручении соответствующей повестки. Помимо того может иметь место масса причин, по которым он не передаст повестку адресату, в результате чего последний окажется не извещен о судебном заседании или ином процессуально

значимом факте, но формально будет признан извещенным надлежащим образом.

Поэтому заслуживает безусловной положительной оценки абс. 2 ч. 2 ст. 116 ГПК РФ, не позволяющий вручать повестку кому-либо иному, кроме адресата, если дело касается признания последнего недееспособным или ограничения его в дееспособности. Думается, что такое положение целесообразно распространить на все случаи доставки повесток.

Внимания заслуживает и ст. 117 ГПК РФ, закрепляющая ряд требований к надлежащему извещению участвующих в гражданском деле лиц:

- направление извещения по адресу, достоверно известному суду;
- документальное подтверждение самого факта вручения извещения;
- возможность извещения посредством портала «Госуслуги» лишь при наличии согласия на то самого участника процесса.

Учёт требований к надлежащему извещению крайне важен ввиду того, что неизвещение, как и ненадлежащее извещение лица может быть признано основанием для отмены или изменения принятого судебного решения, согласно ст. 390.14 ГПК РФ, и это справедливо, поскольку неизвещенное лицо оказывается лишено или ограничено в возможностях отстаивания собственных прав и законных интересов в рамках судебного процесса. Более того, в определенных случаях последствия нереализации таких возможностей может кардинально отразиться на многих других возможностях, особенно когда имеет место решения вопроса о лишении дееспособности или ее ограничении.

Рассмотренные выше нормы свидетельствуют о том, что в целом вопросы извещения в рамках ГПК РФ регламентированы вполне детально. Во всяком случае, все ключевые нюансы в законе отражены относительно извещения. Тем не менее, проблемы имеются, и они носят не только теоретический характер, а касаются судебной практики. Причём многие из проблем тщательно анализируются в научной литературе.

Большинство проблем практического плана в рамках рассматриваемой проблематики касается извещения ответчика. Причём порождающие эти проблемы причины носят как субъективный, так и объективный характер, в чем выражается их многообразие. И суд должен максимально пристально из изучить, прежде чем принять решение о дополнительных мерах по извещению ответчика либо о разбирательстве в его отсутствие, поскольку последствия ненадлежащего извещения или необоснованного рассмотрения дела в отсутствие одной из сторон чревато серьезными последствиями [10, с. 171], ключевое из которых, согласно п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, предполагает отмену судебного решения в вышестоящей инстанции.

В целом проблема здесь кроется в том, что суд не может рассматривать дело, не оповестив об этом каждую из сторон, прежде всего, ответчика. В то же время, не всегда достоверно может быть известно место нахождения ответчика, причём именно фактическое. При этом крайне важно не только соблюсти правила об извещении формально, но и фактически донести информацию до адресата. Поэтому необходимо обратить особое внимание на обязательность использования именно таких средств доставки, которые позволяют. получать и фиксировать доказательства о самом факте доставки извещения и его получения адресатом. И думается, именно по этой причине наиболее традиционным и распространённым средством извещения является почтовое уведомление (судебная повестка) [8, с. 123]. Тем не менее, сложно назвать данное средство совершенным, особенно если учитывать, что в момент визита лица, доставляющего извещение, адресат может отсутствовать по соответствующему адресу.

Однако, есть мнение, что сам гражданин обязан не только представлять в соответствующий регистрационный орган данные о месте своего жительства и пребывания, но и предпринимать меры, позволяющие получать почтовые уведомления [8, с. 125]. Формально такая позиция является логичной, но в ней многие реалии современной жизни и юридической практики не учитываются.

Так в рамках одного из дел рассматривался иск гражданки Ф. к гражданину В. И суд первой инстанции счет возможным разрешить спор в отсутствие последнего. В рамках обжалования, которое дошло до Верховного Суда РФ, было установлено, что ответчика не оповестили о предстоящем судебном заседании. Во всяком случае, задокументированные доказательства извещения отсутствовали в деле, что стало одним из оснований для его отмены как не отвечающего принципам законности и обоснованности. Верховный Суд РФ при этом сослался на ст. 390.14 ГПК РФ, позволяющую отменять судебные акты при наличии неустранимых нарушений. Также Верховный Суд РФ сослался на ст. 167, 116, 119 ГПК РФ, подчеркнув обязательность возвращения в суд извещения с соответствующей отметкой о непроживании в месте, куда направлялось извещение и о неизвестности его местонахождения. Причём соответствующий факт должен быть засвидетельствован местной администрацией или жилищно-эксплуатационными органами, чего сделано не было. [4].

Подобных случаев в отечественной судебной практике немало. И само их наличие свидетельствует о весьма серьёзных проблемах не только в части правового регулирования вопросов извещения, но и в части применения соответствующих норм об извещении сторон.

То есть бремя, касающееся извещений, исходя из гражданского процессуального законодательства и судебной практики, возлагается на суд без каких-либо презумпций надлежащего извещения при отправке соответствующего документа (сообщения).

Противоречия в существующий порядок вносят нормы материального законодательства, а именно ст. 165.1 Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [1] (ГК РФ), пополнившая данный Кодекс в 2013 г. и позволяющая признавать юридически значимое сообщение доставленным до адресата даже если оно не было ему вручено. При этом Пленум Верховного Суда РФ указал на необходимость применения названной нормы ГК РФ к судебным извещениям и вызовам [3].

Судебная практика свидетельствует, что в определённых случаях вопрос об извещении сторон решается на основе не ГПК РФ, а именно ГК РФ, в результате чего формально направлен, в результате чего, например, направленная по известному адресу регистрации гражданина телеграмма, не полученная им, расценивается как надлежащее извещение [6]. В подобного рода случаях суды не учитывают, находился ли фактически в тот или иной период гражданин по месту своей регистрации, а значит и его фактическую возможность получения извещения, а подобные обстоятельства следовало бы брать во внимание, ведь гражданин может находиться в командировке, в медицинском стационаре, в другом городе или регионе в отпуске.

Примечательно, что во многих случаях при рассмотрении вопроса надлежащего извещения участников гражданского процесса Верховный Суд РФ не ссылается на ст. 165.1 ГК РФ [5], что ещё раз подтверждает противоречивость и действующего законодательства, и судебной практики.

Нельзя не признать наличие некоторых недостатков в деятельности Почты России, которая в определённой степени является монополистом, организуя доставку огромного массива корреспонденции. В этом массиве на судебные извещения приходится лишь небольшая доля. Но утрата, несвоевременная доставка или доставка ненадлежащему адресату даже малой доли судебной корреспонденции [9, с. 26–27] представляется весьма серьёзной проблемой.

В рамках научного дискурса обсуждаются различные варианты разрешения проблем, связанных с совершенствованием порядка извещения сторон и прочих субъектов в рамках гражданского процесса и в целом применительно ко всем видам судопроизводства. В частности, выдвигаются идеи о разработке специального мобильного приложения с функцией извещения [9, с. 27]. Обсуждаются и вопросы использования социальных сетей для целей извещения, но дальше научных дискуссий решение вопроса не продвигается [7].

Однако на сегодняшний день имеются возможности для использования социальных сетей и мессенджеров в целях получения судебных извещений, но при условиях [11]:

- наличия у гражданина аккаунта в законно действующих на территории России социальной сети или мессенджере;
- наличия аккаунта на портале «Госуслуги»;
- согласия гражданина на отправку ему социальной сетью или мессенджером уведомлений от портала «Госуслуги» (подключение специальной опции).

Вряд ли большинство граждан пользуется такой опцией. В обязательном же порядке направление соответствующих судебных извещений посредством социальных сетей или мессенджеров действующее законодательство пока не предусматривает, также как не предусматривает и возможность направления извещений посредством СМС сообщений. В результате, имея массу возможностей и технических, и юридических, государство использует их весьма ограниченно.

Заключение

Имеющиеся в сфере гражданского судопроизводства проблемы извещения сторон опосредованы недостатками законодательства, причем не только процессуального (ГПК РФ), но и материального (ГК РФ). Их наличие очевидно не только при анализе самих норм законодательства, между которыми выявляются противоречия, но и при анализе судебной практики. Если нормы ГПК РФ более строги к суду как субъекту, обязанному извещать участников о процессуально значимых фактах, в том числе о судебных заседаниях, то положения ГК РФ более строги к самим сторонам, выступающим адресатами судебных извещений. Причем в одних случаях суды при разрешении вопросов извещения руководствуются процессуальными нормами, в других – материальными, итогом чего является совершенно неединообразное разрешение однотипных спорных ситуаций. Поэтому важно стремиться к единообразию

судебной практики. Более того, следует обеспечить и на уровне законодательного регулирования, и на уровне судебной практики применение таких подходов к извещению сторон, которые бы позволили свести к минимуму случаи судебных разбирательств, когда какая-либо из сторон не получила извещения от суда.

В связи с этим предлагается:

– исключить возможность вручения повестки кому-либо из проживающих совместно с адресатом взрослых членов семьи, если предварительно на это не было получено его согласие в письменной форме, для чего внести соответствующие изменения в абз. 1 ч. 2 ст. 116 ГПК РФ;

– дополнить ГПК РФ нормами, позволяющими направлять судебные извещения гражданину в форме СМС-сообщения без необходимости получения его согласия.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный портал Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8435/> (дата обращения: 25.02.2025).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2020 № 4-КГ20-16, 2-1368/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=632069#calQVmUo3ROMCZLw> (дата обращения: 25.02.2025).

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2024 по делу № 5-КГ24-83-К2 // Официальный портал Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2391804 (дата обращения: 25.02.2025).
6. Апелляционное определение Московского городского суда 04.07.2019 по делу № 33-28775/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2c0a40a3-418b-4c35-800e-70f019143ea0?caseNumber=33-28775/2019> (дата обращения: 25.02.2025).
7. Аристархов А.П. Использование социальных сетей для уведомления о производстве следственных и иных процессуальных действий // Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. С. 401–409.
8. Киселев С.В. Актуальные проблемы извещения, участников гражданского процесса // Эпоха науки. 2021. № 28. С. 122–126.
9. Малинский Ю.В. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 25–32.
10. Санин Е.П., Санин Р.Е. Соблюдение правил извещения лиц, участвующих в деле, как условие законности судебного постановления // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 12-4 (87). С. 171–175.
11. Как получать уведомления Госуслуг в соцсети или мессенджере // Единый портал государственных услуг. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/notifications_in_social_networks_and_messengers/130120231 (дата обращения: 25.02.2025).

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.

3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primenении sudami nekotoryx polozenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj portal Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8435/> (data obrashheniya: 25.02.2025).
4. Opređenje Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 02.06.2020 № 4-KG20-16, 2-1368/2018 // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=632069#calQBmUo3ROMCZLw> (data obrashheniya: 25.02.2025).
5. Opređenje Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 06.08.2024 po delu № 5-KG24-83-K2 // Oficial'nyj portal Verxovnogo Suda RF. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2391804 (data obrashheniya: 25.02.2025).
6. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda 04.07.2019 po delu № 33-28775/2019 // Oficial'nyj portal sudov obshhej yurisdikcii g. Moskvy. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2c0a40a3-418b-4c35-800e-70f019143ea0?caseNumber=33-28775/2019> (data obrashheniya: 25.02.2025).
7. Aristarxov A.P. Ispol'zovanie social'nyx setej dlya uvedomleniya o proizvodstve sledstvennyx i inyx processual'nyx dejstvij // Voprosy rossijskoj yusticii. 2022. № 22. S. 401–409.
8. Kiselev S.V. Aktual'nye problemy izveshheniya, uchastnikov grazhdanskogo processa // E'poxa nauki. 2021. № 28. S. 122–126.
9. Malinskij Yu.V. Vnedrenie informacionno-kommunikacionnyx texnologij v institut izveshheniya i uvedomleniya v sfere sudoproizvodstva // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2022. № 1. S. 25–32.
10. Sanin E.P., Sanin R.E. Soblyudenie pravil izveshheniya licz, uchastvuyushhix v dele, kak uslovie zakonnosti sudebnogo postanovleniya // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 12-4 (87). S. 171–175.
11. Kak poluchat' uvedomleniya Gosuslug v soczseti ili messendzhere // Edinyj portal gosudarstvennyx uslug. URL:

https://www.gosuslugi.ru/help/faq/notifications_in_social_networks_and_messengers/130120231(data obrashheniya: 25.02.2025).

Научная статья

УДК 347.9

ИГНОРИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ВЛАСТИ ВЫЗОВА В СУД КАК ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

**Хасенов Муслим Хаанатович, Ph.D., ассистент профессора Департамента
частного права, Университет Магсута Нарикбаева, Астана, Казахстан,
mkhasen.ast91@yandex.ru**

Аннотация

Гражданское судопроизводство, особенно в части правоприменительной практики, не лишено проблем, одной из которых автор статьи выделяет игнорирование представителями власти, в отдельных случаях, вызова на судебное заседание. Подобные случаи не являются редкостью, особенно в тех делах, когда речь не идёт об особо крупных суммах, оспариваемых в рамках судебного процесса. Это ставит под сомнение репутацию институтов власти, ослабляет их авторитет, снижает эффективность функционирования властных структур. Анализируемые нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дают автору возможность сделать вывод об отсутствии фактических мер, которые бы в достаточной степени были эффективными в плане предупреждения неявки представителей власти на судебные заседания. На обсуждение выносятся и вопрос о возможности рассмотрения отдельных категорий дел в отсутствие представителя власти, например, сотрудника органа опеки и попечительства, прокуратуры и пр. Приводятся в пример случаи из судебной практики, которые иллюстрируют проблему. Предпринимается попытка поиска идей, которые бы позволили системно и эффективно предупреждать случаи неявки представителей соответствующих органов публичной власти на судебные заседания.

Ключевые слова: вызов в суд, гражданское судопроизводство, игнорирование вызова в суд, орган государственной власти, орган местного самоуправления, представитель власти

Статья поступила в редакцию 10.03.2025, одобрена после рецензирования 08.04.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

IGNORING A SUMMONS TO COURT BY A REPRESENTATIVE OF THE GOVERNMENT AS A PROBLEM OF CIVIL PROCEEDINGS

Hasenov Muslim Khaanatovich, Ph.D., Assistant Professor of the Department of Private Law, Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan

Abstract

Civil proceedings, especially in terms of law enforcement practice, are not without problems, one of which the author of the article highlights the ignoring by government officials, in some cases, summoning to a court hearing. Such cases are not uncommon, especially in cases where it is not a question of particularly large sums being contested in the framework of the judicial process. This casts doubt on the reputation of government institutions, weakens their authority, and reduces the effectiveness of government structures. The analyzed norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation enable the author to conclude that there are no actual measures that would be sufficiently effective in preventing government representatives from attending court sessions. The issue of the possibility of considering certain categories of cases in the absence of a representative of the authorities, for example, an employee of the guardianship authority, the prosecutor's office, etc., is also being discussed. Examples of cases from judicial practice that illustrate the problem are given. An attempt is being made to find ideas that would make it possible to systematically and effectively prevent cases of non-attendance of representatives of relevant public authorities at court sessions.

Keywords: subpoena, civil proceedings, ignoring a subpoena, public authority, local government authority, government representative

Введение

Реализация полномочий представителями власти во многих случаях предполагает и участие в судебных разбирательствах. Причём в одних случаях представитель власти может иметь конкретный служебный и процессуальный интерес (например, когда представитель органа опеки или попечительства, или прокурор выступает в защиту прав и законных интересов какого-либо гражданина, нуждающегося в защите и не способного обеспечить самостоятельную защиту своих прав), в других такой интерес отсутствует (например, когда представители власти участвуют в деле целях дачи заключения). И в первом, и во втором случаях участие представителя власти в судебном разбирательстве представляется крайне важным, поскольку обеспечивает более объективное рассмотрение дела, принятие более взвешенного, более справедливого решения. Во многих случаях участие представителя власти является немаловажным условием обеспечения законности, состязательности, равенства, особенно когда речь идёт о рассмотрении спора, в котором выступают формально равные, но фактически находящиеся в неравных условиях субъекты (например, гражданин, являющийся малообеспеченным, не имеющий средств для найма высококвалифицированных юристов, и компания, чьи интересы представляют профессионалы, имеющие высокий уровень подготовки и надлежащий опыт).

Между тем, практика рассмотрения гражданских дел убедительно свидетельствует о том, что представители власти зачастую игнорируют вызовы в суд, в результате чего некоторая часть дел рассматривается в их отсутствии, особенно тогда, когда соответствующие субъекты были своевременно и надлежащим образом извещены о судебном заседании и нет убедительных оснований для его отложения. Конечно же, это не способствует выполнению ими их функций с должной степенью эффективности, поэтому данная тема стала объектом пристального научного интереса.

Основная часть

Говоря о представителе власти, необходимо в первую очередь обратить внимание на законодательную трактовку данного понятия. Упоминание о нём содержится в Уголовном кодексе РФ [2] (далее – УК РФ), а конкретно в примечании к ст. 318. Согласно указанной норме, в основе данного термина лежит категория «должностное лицо», то есть субъект, имеющий определенный статус и присущие этому статусу полномочия (права, обязанности и пр.)

Уяснение категории «должностное лицо» тоже представляет определённые трудности, хотя уместно отметить, что многие нюансы здесь конкретизировал Пленум Верховного Суда РФ, уточнив принадлежность к рассматриваемой категории лиц, которые наделены правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также иных лиц, выполняющих полномочия правоохранительных и контролирующих органов. Речь идет, прежде всего, о распорядительных полномочиях в отношении лиц, не находящихся у них в служебной зависимости, либо о праве принимать решения, обязательные для исполнения гражданами или иными субъектами, независимо от их ведомственной принадлежности [4].

Но если понятием «должностное лицо» охватываются в том числе и те субъекты, которые занимают должности в каких-либо организациях, не относящихся к органам власти, то термин «представитель власти» распространяется лишь на субъектов, наделенных именно публичной властью, а не властью внутри отдельных корпоративных структур. И в этой связи вопрос осуществления представителями власти функций, возложенных на них государством или муниципалитетом, является важнейшим вопросом, имеющим публичное значение, то есть затрагивающим интересы общества и государства, причем, как правило, прямо.

Конституция РФ [1] о представителях власти прямо не упоминает именно с использованием рассматриваемого термина, однако с 2020 г. в ч. 2 ст. 80 были внесены изменения, в результате чего нормативное закрепление получило понятие органов, входящих в единую систему публичной власти. В этой связи

представителями власти можно именовать всех сотрудников, которые в такую систему органов входят, и имеют соответствующие статус и полномочия.

Нормы, представленные в Гражданском процессуальном кодексе РФ [3] (далее – ГПК РФ), содержат ряд упоминаний о представителях власти, привлекаемых к участию в деле, но именуя таковых несколько иначе.

Так, в ст. 34 ГПК РФ в числе лиц, которые участвуют в деле, упоминается прокурор. Это именно тот субъект, роль которого переоценить невозможно как в целом в деле обеспечения законности, так и в части надзора за исполнением законодательства в целом и отдельными сферами отношений.

Ст. 417.8 ГПК РФ специально посвящена участию в деле государственных органов. Ее содержание требует особого внимания. Так, ч. 1 указанной статьи гласит, что «Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации, по инициативе суда или по собственной инициативе может участвовать в деле для дачи заключения по вопросам предоставления юрисдикционных иммунитетов Российской Федерации и ее имуществу в иностранном государстве».

Ч. 2 ст. 417.8 ГПК РФ предусматривает, что заключение указанного выше органа может быть получено по вопросам:

- о статусе образования, органа, организации, должностного лица, привлекаемых к участию в деле в качестве иностранного государства;
- о наличии судебного иммунитета в отношении рассматриваемого спора, иммунитета имущества иностранного государства, находящегося на территории Российской Федерации и являющегося предметом спора, иммунитета в отношении мер по обеспечению иска и иммунитета в отношении исполнения решения суда;
- о юрисдикционных иммунитетах, предоставляемых России в иностранном государстве, и их объеме;

- по иным вопросам, относящимся к компетенции указанного органа.

Данные положения касаются именно Министерства иностранных дел России и отражают лишь один частный случай участия государственных структур в гражданском процессе. Особой значимостью решаемых им задач, и, в частности, обозначенных указанной нормой, определяется крайняя нежелательность игнорирования соответствующих судебных заседаний.

В качестве отдельного направления или цели участия представители власти в гражданском процессе ст. 47 ГПК РФ выделяет дачу заключения по делу. Речь в таком случае идёт о представителях государственного органа или органа местного самоуправления.

Наличие указанной цели определяется конкретными нормами федерального законодательства, когда имеется необходимость именно до принятия судом решения, причём именно в первой инстанции, получить соответствующее мнение официального представителя. Например, в вопросах, касающихся прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, в качестве органа, уполномоченного давать заключение, может выступать соответствующий орган опеки и попечительства, в целом дающий оценку рассматриваемой судом правовой ситуации и предполагаемых мер, связанных с её разрешением.

Важно обратить внимание на возможность вступления в дело представителя власти для указанной цели как по своей инициативе, так и по инициативе лиц, которые в деле участвуют. При этом основной акцент делается именно на защите прав, свобод законных интересов других лиц, Российской Федерации, субъектов РФ или муниципальных образований. Рассматриваемая статья позволяет и суду по его инициативе привлечь государственный или муниципальный орган для дачи заключения по делу.

Обозначенные цели, касающиеся защиты как частных, так и публичных субъектов, ни в коем случае нельзя игнорировать, исходя из чего неявка соответствующего представителя органа должна рассматриваться просто как

недопустимый факт. Однако пока отечественная система правосудия, как и законодатель, относятся относительно лояльно к подобным случаям. Полагаем, что отчасти это обусловлено и тем, что в некоторых ситуациях представители власти вступают в гражданское дело по собственной инициативе. Этот нюанс отчасти нивелирует значимость их непосредственного участия в судебном заседании.

В рамках осмысления проблематики игнорирования вызовов в суд важно обратить внимание на ст. 167 ГПК РФ, оговаривающую последствия неявки в судебное заседание лиц, которые в деле участвуют, а также их представителей, поскольку соответствующие представители органов власти, в частности, выступающие в деле для целей дачи заключения, являются лицами, участвующими в деле. Указанная норма предусматривает следующее:

- лица обязаны известить суд о причинах неявки и представить доказательства уважительности этих причин;
- при неявке в судебное заседание кого-либо из лиц, в отношении которых отсутствуют сведения об их извещении, разбирательство дела откладывается;
- суд правомочен рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и надлежаще извещенных о судебном заседании, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными.

Российский законодатель не видит каких-либо серьёзных препятствий для рассмотрения дела в отсутствие лица, участвующего в деле, если таковое лицо надлежащим образом извещено о судебном заседании и не представило сведений, которые бы убедительно подтверждали уважительный характер отсутствия. Можно было бы такие нормы признать логичными. Однако особая значимость отдельных категорий дел все же порождает вопрос относительно того, насколько уместно рассматривать то или иное дело в случае отсутствия лица, которое законодателем уполномочено, например, давать заключение по делу, но такого заключения не дало?

Уместно обратиться к некоторым материалам судебной практики, которые её весьма наглядно иллюстрируют проблематику. Так в процессе одного из судебных разбирательств в суд не явился представитель органа опеки и попечительства, хотя вопрос напрямую касался прав и законных интересов несовершеннолетних [6]. В данном случае не так важно, по чьей именно инициативе изначально был привлечён к участию в деле соответствующий орган. Важен сам факт отсутствия представителя органа в суде, который при этом законодателем обязан, так или иначе, участвовать в решении вопросов, касающихся прав и законных интересов несовершеннолетних граждан.

Другой интересной ситуацией был факт неявки представителя прокуратуры на судебное заседание по одному из гражданских дел [5].

И в одном, и в другом случаях дело было рассмотрено в их отсутствии, поскольку они не представили подтверждение уважительности отсутствия, а извещены судом были надлежащим образом.

Надо сказать, что вопрос о необходимости обязательной явки в судебное заседание зачастую связан с расходом времени и финансовых ресурсов [7, с. 97], а потому неявка представителя власти в суд может способствовать определённому высвобождению времени, которое возможно выделить на решение других, в том числе более значимых задач, нежели те, которые рассматриваются в судебном заседании. Однако в любом случае неявка представителя власти в судебное заседание, если таковой вызван, представляется недопустимым обстоятельством. Это в некотором смысле подрывает авторитет органов власти и государства в целом. Поэтому считаем важно прилагать максимально возможные усилия для того, чтобы данная проблема была решена.

Заключение

Игнорирование представителями власти вызова в суд является не столь редким случаем, а потому такая проблема не должна недооцениваться. Она отражает своего рода некоторые проявления неуважения к суду. Более того, в подобных случаях можно усмотреть ненадлежащее исполнение полномочий,

причем именно в публичных интересах. Поэтому законодателю есть смысл пересмотреть нормы ГПК РФ, в особенности ст. 167, дополнив её соответствующими положениями о недопустимости рассмотрения отдельных категорий дел в отсутствие представителя власти, вызванного в суд для дачи заключения по делу или вступившего в дело для защиты публичных интересов, в особенности интересов государства. Особенно это касается представителей органов прокуратуры, органов опеки и попечительства. Думается, что игнорирование представителем власти вызова в суд, в том числе в рамках гражданского судопроизводства, создаёт определённые предпосылки для не вполне полноценного рассмотрения судебного спора. И такие предпосылки целесообразно устранять, прежде всего на уровне законодательном.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета 1993. 26 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Официальный портал Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8117/> (дата обращения: 28.02.2025).
5. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.07.2020 по делу № 88-15962/2020 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/56369193> (дата обращения: 28.02.2025).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 28.09.2020 по делу N 33-12706/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565897150> (дата обращения: 28.02.2025).
7. Цуканов С.С., Фокин Е.В. Осуществление правосудия в России: критический анализ // Эпоха науки. 2022. № 32. С. 94–97.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta 1993. 26 dek.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 16.10.2009 № 19 (red. ot 11.06.2020) «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostny`mi polnomochiyami i o prevy`shenii dolzhnostny`x polnomochij» // Oficial`ny`j portal Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8117/> (data obrashheniya: 28.02.2025).
5. Postanovlenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 21.07.2020 po delu № 88-15962/2020 // Sudebny`e resheniya RF. URL: <https://sudebny`eresheniya.rf/56369193> (data obrashheniya: 28.02.2025).
6. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Respubliki Tatarstan ot 28.09.2020 po delu N 33-12706/2020 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565897150> (data obrashheniya: 28.02.2025).
7. Czukanov S.S., Fokin E.V. Osushhestvlenie pravosudiya v Rossii: kriticheskij analiz // E`poxa nauki. 2022. № 32. S. 94–97.

Научная статья

УДК 347.662, 347.94

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА

Фрэнсис Лесли, Ph.D., профессор, Университет штата Юта: Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США, lorgorli_research@outlook.com

Аннотация

В статье отражена практическая проблематика подтверждения фактического принятия наследства. Возникновение проблем в этой сфере обусловливается недостаточно детальным регулированием вопросов принятия наследства в нормах Гражданского кодекса РФ, а также противоречивой судебной практикой. Все это усугубляется невысоким уровнем правовой грамотностью российского населения. В этих условиях отдельными подзаконными нормативными актами, в частности регулирующими деятельность нотариусов, также актами Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ уточняются отдельные особенности фактического принятия наследства, раскрываются конкретные действия, перечни документов, которыми могут подтверждаться фактические меры по принятию наследства. Однако отсутствует чёткий алгоритм совершения действий по принятию наследства, единый конкретный перечень документов, которые могут подтверждать фактическое принятие наследства, не уточняется и содержание самих действий по фактическому принятию наследства. Среди проблем выделено оспаривание муниципалитетами фактов принятия наследства гражданами, игнорирование судами доказательств фактического принятия наследства, наличие рисков утраты имущества, которое должно быть унаследовано. Это даёт основание автору для поддержания идей введения презумпции принятия наследства и внесения соответствующих изменений в ст. 1152 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: дела о наследовании, доказательства принятия наследства, конклюдентные действия, наследование, наследство, фактическое принятие наследства

Статья поступила в редакцию 13.05.2025, одобрена после рецензирования 15.06.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

PRACTICAL ASPECTS OF CONFIRMING THE ACTUAL ACCEPTANCE OF THE INHERITANCE

Francis Leslie, Ph.D., Professor, University of Utah: Salt Lake City, Utah, USA

Abstract

The article reflects the practical problems of confirming the actual acceptance of inheritance. Problems in this area arise due to the insufficiently detailed regulation of inheritance acceptance issues in the norms of the Civil Code of the Russian Federation, as well as contradictory judicial practice. All this is compounded by the low level of legal literacy of the Russian population. In these circumstances, separate subordinate regulations, in particular those regulating the activities of notaries, as well as acts of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, specify certain features of the actual acceptance of inheritance, disclose specific actions, lists of documents that can confirm the actual measures to accept inheritance. However, there is no clear algorithm for taking actions to accept the inheritance, a single specific list of documents that can confirm the actual acceptance of the inheritance, and the content of the actions themselves for the actual acceptance of the inheritance is not specified. Among the problems highlighted are the contesting by municipalities of the facts of the acceptance of inheritance by citizens, the ignoring by the courts of evidence of the actual acceptance of inheritance, and the risks of loss of property that should be inherited. This gives the author a reason to

support the idea of introducing a presumption of acceptance of inheritance and making appropriate amendments to art. 1152 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: inheritance cases, evidence of acceptance of inheritance, definitive actions, inheritance, inheritance, actual acceptance of inheritance

Введение

Передача имущества по наследству – неотъемлемый элемент реализации права собственности, закреплённого на конституционном уровне. Поэтому и вопросы наследование в целом, и отдельные нюансы наследования, в том числе касающиеся принятия наследства, следует расценивать как особо значимые. В рамках этой проблематики отдельно выделяются проблемы фактического принятия наследства, которое допускается и законодательством, и признается правоприменительной практикой, однако вызывает множество споров, причём как в науке, так и в практике.

Преобладающий в гражданско-правовом регулировании диспозитивный подход, определённо предоставляющий гражданам значительную свободу в решении многих вопросов, касающихся наследования, отчасти создаёт и проблемы в реализации прав наследников. Поэтому в данной статье затрагиваются отдельные практические аспекты, касающиеся подтверждения фактического принятия наследства, с учетом судебной практики.

Основная часть

Вопросы принятия наследства в настоящее время регламентированы нормами Гражданского кодекса РФ, прежде всего частью 3 [1], в связи с чем необходимо основное внимание сосредоточить именно на их изучении. Здесь ключевой является ст. 1152 ГК РФ, которая гласит, в частности, что для приобретения наследства наследник должен его принять. Но важно подчеркнуть, что приобретение и принятие наследства являются в значительной мере близкими понятиями, но не идентичными, потому их важно разграничивать. Принятие есть условие, способ, инструмент, основание для приобретения; то

есть это более узкий, более конкретный термин, в отличие от приобретения. Также можно сказать, что принятие наследства есть способ реализации права на его приобретение.

Важно подчеркнуть, что той же статьёй принятие части наследства признается и принятие всего причитающегося наследства вне зависимости от его характера, специфики и местонахождения. Соответственно, закон исключает принятие наследства под какими-либо условиями либо с оговорками.

Кроме того, сам факт принятия наследства кем-либо одним из наследников не является подтверждением факта принятия наследства иными наследниками, то есть каждый наследник отвечает исключительно за себя, свои интересы, свои действия.

Важно также подчеркнуть, что наследство закон расценивает как принадлежащее наследнику именно со дня его открытия. И решение этого вопроса не зависит от времени фактического принятия наследства, а также от момента государственной регистрации права, если такое предусмотрено действующим законодательством. Однако вопросы фактического принятия наследства нельзя считать малозначимыми, поскольку именно фактическое принятие наследства зачастую позволяет рассчитывать субъекту на полноценную реализацию его прав как наследника и как собственника приобретённого в порядке наследования имущества.

П. 2 ст. 1153 ГК РФ закрепляет презумпцию принятия наследства при условии совершения наследником действий, которые свидетельствуют о фактическом принятии наследства, в том числе:

- вступления во владение или в управление наследственным имуществом;
- принятия мер по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц;
- осуществления за свой счет расходов на содержание наследственного имущества;

- оплаты за свой счет долгов наследодателя или получения от третьих лиц причитавшиеся наследодателю денежных средств.

Уместно подчеркнуть, что в нормах действующего законодательства не конкретизированы многие вопросы, которые касаются принятия наследства, в связи с чем и возникают многочисленные споры по этому поводу, однако многие ответы на возникающие вопросы дают подзаконные правовые акты, прежде всего принятые Минюстом России в рамках регулирования действий нотариуса.

Так, Регламент совершения нотариусами нотариальных действий (утв. Приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 30.01.2025)) [2] в п. 52 гласит, что «информацию о фактическом принятии наследства нотариус устанавливает на основании документов, подтверждающих совершение наследником действий, свидетельствующих о принятии наследства». В качестве примеров таких документов приводятся:

- документы, выданные органами регистрационного учета граждан о регистрации по месту жительства или месту пребывания, органами местного самоуправления или управляющей организацией, и иных документов, подтверждающих совместное проживание наследника с наследодателем на момент открытия наследства, если такой наследник не сообщает в заявлении о несовершении им действий по фактическому принятию наследства;
- судебный акт.

Таким образом, документальные подтверждения можно рассматривать ключевыми доказательствами, свидетельствующими о принятии наследства. При этом важно обратить внимание, что спектр документов является достаточно широким и фактически конкретные ограничения закон или подзаконные акты не устанавливают.

Этот перечень становится ещё более широк, когда речь идёт о рассмотрении того или иного дела в суде. То есть фактически доказательством факта принятия наследства может выступать любой документ, даже если таковой не оговорён в каком-либо правовом акте, но представлен в суде, соответствует

требованиям процессуального законодательства как в целом, так и с точки зрения правил представления и оценки доказательств.

То есть очевидно, что для представления документа в суд в качестве подтверждения фактического принятия наследства он должен отвечать требованиям:

- относимости;
- допустимости;
- достоверности.

Здесь будет не лишним отметить, что в целом доказательства должны быть достаточными для установления соответствующего факта. Однако эти критерии более детально анализировать не представляется необходимыми, поскольку они касаются в большей мере процессуальных нюансов, нежели наследственной проблематики.

Нельзя не обратить внимание на материалы судебной практики, в частности, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» [4] (далее – Постановление ПВС РФ № 9). В п. 3 данного Постановления уточнено, что действия по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом, а также поддержание его надлежащего состояния должны судами расцениваться в качестве свидетельств принятия наследства. В качестве примеров таких действий Пленум перечислил:

- вселение в принадлежавшее наследодателю жилье или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания);
- обработка наследником земельного участка;
- подача в суд заявления о защите своих наследственных прав;
- обращение с требованием о проведении описи имущества наследодателя;
- осуществление оплаты коммунальных услуг, страховых платежей и пр.

В целом Пленум не ограничивает круг действий, которые могут быть судом расценены как подтверждающие факт принятия наследства. При этом соответствующие действия наследник правомочен совершать не только самостоятельно; он имеет право поручить это третьим лицам. Однако здесь имеет место весьма значимый нюанс: факт поручения, как нам представляется, должен быть зафиксирован юридически, в письменной форме, в противном случае действия наследника, поручившего кому-либо принимать соответствующие меры относительно принятия наследства, могут быть поставлены под сомнение. Особенно важно учитывать этот аспект в тех случаях, когда имеют место договоренности между близкими родственниками, которые не принято оформлять юридически. Ведь если двое родственников являются наследниками одного наследодателя и один из наследников совершает действия по принятию наследства не только за себя, но и за другого родственника, по его поручению, то суд вполне может признать принявшим наследство лишь одного из них, непосредственно принимавшего меры по принятию наследства, сославшись на то, что принятие наследства одним наследником не означает принятия наследства другими наследниками.

Стоит обратить внимание на то, что в рассматриваемом Постановлении Пленума представлен и достаточно широкий круг документов, которые могут являться подтверждением совершенных наследником действий по принятию наследственного имущества. Причём в случае отсутствия у наследника возможности подтвердить те или иные факты документами сам суд правомочен установить таковые факты, а при наличии спора вопрос разрешается в исковом порядке.

Изложенное свидетельствует о наличии достаточно широких возможностей у суда для решения соответствующего вопроса по относительно факта принятия наследства по своему усмотрению. Думается, что такая диспозитивность продиктована множеством потенциально возможных

жизненных ситуаций, и обозначать в этом смысле какие-то особо жёсткие рамки не видится необходимым.

Тем не менее, норм гражданского законодательства, норм иных федеральных законов, подзаконных актов, а также разъяснений Пленума зачастую оказывается недостаточно. Примером тому является сравнительно недавнее рассмотрение Конституционным Судом РФ вопроса о конституционности норм ГК РФ о принятия наследства, в связи с чем он подчеркнул, что для признания принятия наследства необходимо совершение хотя бы одного из тех действий, которые предусмотрены п. 2 ст. 1153 ГК РФ, при этом, как ни странно, сослался на рассмотренное выше Постановление Пленума.

Особо в данном документе Конституционный Суд подчеркнул повышенные требования к судебной оценке совершения или несвершения гражданином действий по принятию наследства именно применительно к жилому помещению, признаваемому выморочном [3].

Отметим, что в судебной практике проблемы, связанные с фактическим принятием наследства, являются довольно часто встречающимися. Имеют место многочисленные оспаривания соответствующими публично правовыми образованиями, прежде всего, муниципалитетами, фактов принятия гражданами наследства. И зачастую в судах первой или апелляционной инстанции многие обстоятельства не получают должной правовой оценки [5].

Отсюда очевидна и необходимость более детальной регламентации вопросов, касающихся фактического принятия наследства. Поэтому нельзя не согласиться с авторами, подчёркивающими наличие некоторых сложностей в части правильного определения действий, которые необходимо совершить наследнику, особенно с учётом оценочности многих действий, которые могут быть в одних случаях признаны подтверждающими факт принятия наследства, в других же – нет [8, с. 46]. В этой связи очевидно, что не всякое, даже активное поведение наследника, суд может расценивать как доказательство фактического принятия наследства [6, с. 103].

Надо сказать, что в некоторых случаях и тех документов, которые Пленум привёл в качестве средств подтверждения факта принятия наследства, зачастую оказывается недостаточно [7, с. 64]. Данная проблема во многом осложняется невысоким уровнем правовой грамотности населения, а также отсутствием четких механизмов правового регулирования презумпции фактического принятия наследства [9, с. 133].

Заключение

В нормах действующего гражданского законодательства какие-либо инструменты, которые бы позволяли эффективно обеспечивать реализацию права граждан на принятие наследства, отсутствуют, что влечет многочисленные судебные споры и в целом для наследников чревато серьёзными проблемами, особенно в условиях невысокого уровня правовой грамотности населения.

По этой причине автор предлагает дополнить ст. 1152 ГК РФ пунктом, предусматривающим презумпцию принятия наследства для тех случаев, когда наследниками выступают близкие родственники, проживавшие совместно с наследодателем.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий (утв. Приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 30.01.2025)) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2024 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1152 и пункта 2 статьи 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Простякова» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Алсынбаева Э.М. Особенности фактического принятия наследства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7-2(82). С. 103–105.
7. Асташкина А.В. Фактическое принятие наследства: особенности оформления и оспаривания // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 62–65.
8. Масалимова А.А. Проблемы принятия наследства в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-4(62). С. 46–48.
9. Четырева Л.Л. Презумпция фактического принятия наследства, проблемы, возникающие в правоприменительной практике и возможные пути их решения // Аграрное и земельное право. 2023. № 6(222). С. 131–134.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Reglament soversheniya notariusami notarial'ny'x dejstvij (utv. Priказом Минюста России ot 30.08.2017 № 156 (red. ot 30.01.2025)) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.05.2024 № 25-Р «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 1152 i punkta 2 stat'i 1153 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina D.V. Prostyakova» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 29.05.2012 № 9 (red. ot 24.12.2020) «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 (2022) (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 01.06.2022) // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Alsy`nbaeva E`.M. Osobennosti fakticheskogo prinyatiya nasledstva // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2023. № 7-2(82). S. 103–105.
7. Astashkina A.V. Fakticheskoe prinyatie nasledstva: osobennosti oformleniya i osparivaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 8. S. 62–65.
8. Masalimova A.A. Problemy` prinyatiya nasledstva v Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2021. № 11-4(62). S. 46–48.
9. Chety`reva L.L. Prezumpciya fakticheskogo prinyatiya nasledstva, problemy`, vznikayushhie v pravoprimenitel`noj praktike i vozmozhny`e puti ix resheniya // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2023. № 6(222). S. 131–134.

5.1.5. Международно-правовые науки

Научная статья

УДК 341.4

РИСКИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Скобелев Владимир Петрович, к.ю.н., заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета, vskobel.vp@mail.ru

Аннотация

Тему развития международного уголовного правосудия традиционно принято анализировать в контексте необходимости дальнейшего развития. В данной же статье вопрос ставится несколько иначе, а именно внимание сосредоточено на тех рисках, которые несёт в себе международное уголовное правосудие для государства как независимого субъекта международных отношений. Автором высоко оценивается вклад Международного военного трибунала и Нюрнбергского процесса в укрепление глобального мира и стабильности в XX веке. При этом дается критическая оценка позиций, обосновывающих целесообразность развития международных уголовно-правовых институтов, с учётом первостепенной роли правовой охраны государственного суверенитета России. Свою точку зрения автор обосновывает в том числе чётко выраженным мнением Министерства иностранных дел России по поводу негативной оценки деятельности Международного уголовного суда как международного института, нарушающего основополагающие принципы и нормы международного права. В целом автором не отрицается идея международного уголовного правосудия. Однако негативно характеризуется международное уголовное правосудие именно в том виде, в каком оно представлено в современном мире в XXI веке. На основе этого аргументируется отсутствие целесообразности поддержки идей о развитии теоретической и нормативной базы международного уголовного

правосудия как инструмента, используемого, прежде всего, странами Запада в их политических целях, а не в целях укрепления международного мира, безопасности и стабильности.

Ключевые слова: глобализация, государственный суверенитет, международное право, международное правосудие, международное уголовное правосудие, МУС, национальная безопасность, национальные интересы

Статья поступила в редакцию 01.04.2025, одобрена после рецензирования 08.05.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

RISKS OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE

Skobelev Vladimir Petrovich, Candidate of Law, Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovations, Associate Professor of the Department of Civil Procedure and Labor Law of the Law Faculty

Abstract

The topic of the development of international criminal justice has traditionally been analyzed in the context of the need for further development. In the same article, the issue is posed somewhat differently, namely, attention is focused on the risks that international criminal justice carries for the State as an independent subject of international relations. The author highly appreciates the contribution of the International Military Tribunal and the Nuremberg Trials to strengthening global peace and stability in the 20th century. At the same time, a critical assessment is given of the positions justifying the expediency of developing international criminal law institutions, taking into account the primary role of legal protection of Russia's state sovereignty. The author substantiates his point of view, among other things, by the clearly expressed opinion of the Russian Ministry of Foreign Affairs regarding the negative assessment of the International Criminal Court as an international institution

that violates the fundamental principles and norms of international law. In general, the author does not deny the idea of international criminal justice. However, international criminal justice is negatively characterized precisely in the form in which it is represented in the modern world in the 21st century. Based on this, it is argued that it is not advisable to support ideas about the development of the theoretical and regulatory framework of international criminal justice as a tool used primarily by Western countries for their political purposes, rather than for the purpose of strengthening international peace, security and stability.

Keywords: globalization, state sovereignty, international law, international justice, international criminal justice, ICC, national security, national interests

Введение

В условиях глобализирующегося мира соответствующим образом развивается и международное право, затрагивая практически все нюансы регулирования общественных отношений. В результате в рамках международного права довольно динамично развиваются такие его сферы (подотрасли), как, например, дипломатическое и консульское право, международное экономическое (финансовое), торговое, морское, воздушное, экологическое право и пр.; выделяется и сфера международно-правовой охраны прав человека. Разумеется, эти процессы способствуют развитию международного правосудия, но, преимущественно, в области гражданско-правовых и арбитражных споров. Свидетельством тому является, например, практика рассмотрения многочисленных споров с участием государства и организаций именно международными судами. Особо стоит привести в пример практику взыскания с государств компенсаций за нарушение прав человека Европейским судом по правам человека, хотя на момент проведения данного исследования Россия не принимает участия в работе этого органа международного правосудия. Изложенное является подтверждением важной

роли международных судебных институтов, в значительной степени способствующих глобальному правовому развитию.

В то же время нет оснований говорить о динамичном развитии международного уголовного правосудия, поэтому было бы уместно поднять вопрос его стимулирования. И нет сомнений в том, что различными субъектами международного права данный вопрос будет подниматься все активнее и чаще под предлогом необходимости противодействия международным преступлениям. Однако в этой статье предлагается взглянуть на вопрос международного правосудия иначе, а именно как на фактор риска для государственного суверенитета.

Основная часть

Конституционная законность формирует основу правового развития Российского государства. Воплощением этой законности является сама Конституция РФ [1], имеющая верховенство на всей территории страны и прямое действие. Практическое применение конституционных норм, соответствие Конституции РФ всех прочих нормативных правовых актов, принимаемых на территории России тоже следует расценивать как воплощение конституционной законности.

В то же время, учитывая ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, Россией рассматривается и международное право с присущими ему общепризнанными принципами и нормами, в качестве части ее правовой системы. В этом смысле признание международного права уместно рассматриваться как компонент обеспечения конституционной законности. Очевидно, что тем самым Россия в целом признает и различные международные институты (или, по крайней мере, создает предпосылки для такого признания), призванные обеспечить соблюдение и практическое применение международного права (отдельные нюансы признания международно-правовых институтов, связанные с обязательностью ратификации тех или иных международных правовых актов, в данном случае принципиального значения не имеют). Такое признание в целом

касается и международного правосудия, фактически являющегося гарантом соблюдения тех или иных принципов и норм, имеющих статус международных.

В этой связи уголовное правосудие является безусловным компонентом любого правосудия как на внутригосударственном уровне, так и на международном, а потому проблематика международного уголовного правосудия имеет прямое отношение как к международному праву в целом, так и к соответствующим конституционным нормам, закрепляющим на уровне национального законодательства признание международного права. Именно поэтому международное правосудие, в том числе уголовное, не может рассматриваться в отрыве от национального права, в отрыве от национальных интересов и таких фундаментальных вопросов, как национальная безопасность и государственный суверенитет.

Идеи уголовной ответственности, реализуемой на международном уровне на базе международного права, нельзя назвать новыми. Принято считать, что впервые вопрос о привлечении международных преступников к уголовной ответственности был поднят в 1815 году в рамках антифранцузской коалиции и имел целью призвать к суду Наполеона Бонапарта в связи с так называемыми наполеоновскими войнами, жертвами которых стали сотни тысяч человек. И хотя реальных действий за этим не последовало, сама идея уголовной ответственности в контексте именно международного права сохранилась и продолжила своё развитие в дальнейшем. А наиболее ярким её воплощением стало образование Международного военного трибунала, в рамках которого был организован Нюрнбергский процесс по итогам Второй мировой войны, целью которого было привлечение к уголовной ответственности военных преступников, совершавших военные преступления в годы той войны [3]. Истории известны и другие примеры реализации уголовной ответственности на международном уровне. В литературе приводятся примеры, в частности, Руанды и бывшей Югославии [6, с. 42].

В контексте данного исследования экскурс в историю не играет первостепенной роли. Он лишь демонстрирует истоки современных научных представлений об уголовном праве. Реалии же современного мира свидетельствуют о том, что идеи развития международного уголовного права не столь однозначны, особенно с учётом практического применения уголовного права на международном уровне. А.И. Коробеев эти реалии описывает как процесс деградации международного уголовного права [6, с. 42]. Причём деградация является вполне закономерной и обуславливается политикой отдельных наиболее влиятельных государств.

Одной из причин, позволяющих усматривать деградацию международного уголовного права и соответствующей практики привлечения к уголовной ответственности на международном уровне, видится политика двойных стандартов. В этих условиях даже искажается само понятие «международное сообщество», которое должно было бы отражать консолидированную волю большинства стран, в том числе по вопросам международной уголовной ответственности, но де-факто сосредотачивает в себе огромный пласт противоречий, в целом порождающих противостояние. Причём такое противостояние в одних случаях является скрытым, в других – открытым. В этой связи политика двойных стандартов вполне объяснима тем, что в мире лишь некоторые государства способны проводить самостоятельную политику, среди них, в частности, Россия, Соединённые Штаты Америки и Китай. Значительная часть государств, как правило, находится в существенной зависимости от перечисленных выше стран и аффилирована с ними. Отдельные же страны, которые не имеют какого-либо политического веса, тем не менее тоже выступают субъектами международного права. И в этих условиях на мировой арене фактически имеет место противостояние узкой группы стран, остальные же присоединяются к тому или иному лидеру или пытаются балансировать между ними [6, с. 42].

Поэтому не представляется возможным говорить о реальности формирования какой-нибудь консолидированной позиции по поводу, например, международных преступлений и реализации уголовной ответственности в рамках международного права. И то государство-лидер, которое имеет больший вес в мире, которое смогло получить возможность контроля над международными институтами, зачастую и формирует (пытается формировать) политику двойных стандартов.

Существенным фактором, также препятствующим однозначному признанию необходимости развития и применения международного права в контексте уголовной ответственности, является наличие неопределённости оснований ответственности. На сегодняшний день не приходится говорить о наличии какой-либо универсальной международной конвенции, которая бы однозначно криминализировала те или иные конкретные деяния [6, с. 42].

Более того, если международное сообщество характеризуется разрозненностью, а международно-правовая основа соответствующих отношений не является систематизированной, то вряд ли уместно говорить о том, что в этих условиях применение соответствующих институтов целесообразно и безопасно с точки зрения охраны государственного суверенитета.

Нельзя не отметить наличие вполне оправданных сомнений касательно правомерности решений и действий отдельных международных органов и организаций, которые берут на себя функции уголовного преследования. В частности, такого рода сомнения касаются Международного трибунала по бывшей Югославии ввиду того, что его сформировала не Генеральная Ассамблея ООН, а Совет Безопасности ООН, который не обладает формальными полномочиями для принятия таких решений. Помимо того, в работе указанного Трибунала отмечалась явная предвзятость и обвинительный уклон, что не способствовало объективности [6, с. 42; 7, с. 4].

В настоящее время активные попытки принять на себя роль вершителя международного уголовного правосудия пытается Международный уголовный

суд (далее – МУС), который еще до недавнего времени вполне обоснованно рассматривался как орган уголовного правосудия в сфере военных преступлений, призванный обеспечить мир, защиту прав и свобод человека и населения стран, где совершаются военные преступления [5, с. 29]. Однако сейчас деятельность данного суда вызывает весьма серьезные вопросы.

Уместно обратить внимание на Заключение Международно-правового совета при МИД России, давшего оценку деятельности МУС, в целом отражающую следующие недостатки указанного органа:

- отсутствие универсальности ввиду неучастия в нем России, США и Китая (трех из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН), а также других стран, которые нельзя игнорировать, в частности, Индии);
- политизированность правосудия;
- допущение множественных нарушений международного права [2].

Заметим, что судебные функции, которыми наделен МУС, не ставят под сомнение в МИД России. Сомнения и недоверие вызывает сама деятельность МУС и его организация. В этой связи уместно подчеркнуть, что какой-либо международный орган, не включающий в себя все ведущие державы, в том числе наиболее крупные по численности населения, вряд ли может претендовать на роль уголовного суда, правомочного преследовать в международном формате кого-либо от имени международного сообщества, особенно учитывая глобальный характер современных международных отношений и их неограниченность, к примеру, Европой.

Надо сказать, что в современной научной литературе превалирует точка зрения, исходя из которой международные преступники должны преследоваться не только национальным законодательством, но и международным правом, поддерживаемым, в том числе институтами международного уголовного правосудия [5, с. 31]. В этой связи развиваются и идеи о гибридных судах, формируемых не только представителями национальных судей, но и иностранными судьями, что актуально для урегулирования проблем

ответственности за военные преступления на постконфликтных территориях [4, с. 49]. Однако в настоящее время очевидно, что идеи о такого рода судах тоже должны пересматриваться, особенно с учётом политической ангажированности институт международного правосудия, реально функционирующих.

В современных реалиях возникает масса вопросов о том, как, в частности, избежать «выборочного правосудия», двойных стандартов? И в этой связи высказывается совершенно обоснованное мнение о том, что модель уголовного правосудия именно в международном формате себя изжила [8, с. 94].

Здесь уместно согласиться А. Коноваловым – экс-министром юстиции и полномочным представителем Президента РФ в Конституционном Суде РФ. Он полагает, что присвоение другими странами международно-правовых институтов несёт угрозу российскому суверенитету, ведь такие органы могут принимать решения, обязательные для исполнения другими государствами [9],

Заключение

Институты международного уголовного правосудия в современном мире себя явно дискредитировали, их ресурс, как нам представляется, исчерпан. Признававшаяся прежде особая роль указанных институтов, безусловно, должна пересматриваться и в рамках научного дискурса, и на уровне законодательства, в том числе, возможно, на конституционном уровне. Совершенно очевидно, что дальнейшее развитие международного уголовного правосудия в том векторе, в котором оно происходит сейчас, несёт совершенно реальные угрозы для суверенитета Российской Федерации, как и для суверенитета многих других стран, не проявляющих солидарности с ведущими западными державами. И это, безусловно, важно учитывать в рамках конституционного развития нашей страны.

Не отрицая саму идею международного уголовного правосудия и признавая особую роль, например, Нюрнбергского процесса, организованного Международным трибуналом, стоит отметить исключительность указанного случая. Поэтому в целом же, как нам представляется, международное уголовное

правосудие не должно рассматриваться как аналог или альтернатива правосудия, существующего на национальном уровне. Соответственно, международные уголовные суды не должны функционировать на постоянной основе. В противном случае они начинают использоваться в качестве инструмента политического давления, представляя угрозу суверенитету, а не как средства привлечения к ответственности преступников, заслуживающих международного преследования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 26 декабря.
2. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) // Официальный сайт МИД России. 08.05.2024. URL: <https://mid.ru/ru/>
3. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 2. С. 2-9.
4. Евсеев А. Гибридные суды как институт транзитивного правосудия // Международное правосудие. 2017. №3 (23). С. 47-61.
5. Ивашкина О.А. Соотношение позиций России и международного уголовного суда в свете имплементации Римского статута // Спутник высшей школы. 2023. № 1(12). С. 28-31.
6. Коробеев А.И. Современное международное уголовное право сквозь призму института международной уголовной ответственности // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3(73). С. 40-44.
7. Наумов А.В. Слухи о смерти международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не

обоснованы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 3-6.

8. Нелаева Г., Сидорова Н., Хабарова Е. Международное правосудие как предмет оспаривания: кризис международных уголовных судов? // Международное правосудие. 2019. № 2(30). С. 93-106.

9. Царева М. Международные суды названы одной из угроз национальному суверенитету // Ведомости. 01.07.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/01/929356-mezhdunarodnie-sudi-suverenitetu>

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. 26 dekabrya.

2. Problemy` pravomernosti deyatel`nosti Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda (zaklyuchenie Mezhdunarodno-pravovogo soveta pri MID Rossii) // Oficial`ny`j sajt MID Rossii. 08.05.2024. URL: <https://mid.ru/ru/>

3. Volevodz A.G., Volevodz V.A. Istoricheskie i mezhdunarodno-pravovy`e predposy`lki formirovaniya sovremennoj sistemy` mezhdunarodnoj ugolovnoj yusticii // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2008. № 2. S. 2-9.

4. Evseev A. Gibridny`e sudy` kak institut tranzitivnogo pravosudiya // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2017. №3 (23). S. 47-61.

5. Ivashkina O.A. Sootnoshenie pozicij Rossii i mezhdunarodnogo ugolovnogo suda v svete implementacii Rimskogo statuta // Sputnik vy`sshej shkoly`. 2023. № 1(12). S. 28-31.

6. Korobeev A.I. Sovremennoe mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo skvoz` prizmu instituta mezhdunarodnoj ugolovnoj otvetstvennosti // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 3(73). S. 40-44.

7. Naumov A.V. Sluxi o smerti mezhdunarodnogo ugolovnogo prava i mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva ne

obosnovany` // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2021. № 2. S. 3-6.

8. Nelaeva G., Sidorova N., Xabarova E. Mezhdunarodnoe pravosudie kak predmet osparivaniya: krizis mezhdunarodny`x ugovny`x sudov? // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2019. № 2(30). S. 93-106.

9. Czareva M. Mezhdunarodny`e sudy` nazvany` odnoj iz ugroz nacional`nomu suverenitetu // Vedomosti. 01.07.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/01/929356-mezhdunarodnie-sudi-suverenitetu>

Научная статья

УДК 34:37

АЛЬТЕРНАТИВЫ БОЛОНСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

**Пилипенко Александр Анатольевич, к.ю.н., доцент кафедры
государственного управления юридического факультета,
alxpilipenko.ga@gmail.com**

Аннотация

Автором предпринимается попытка осмысления актуального состояния отечественной системы образования с учетом изменившихся в последние годы реалий, характеризующихся нацеленностью на отказ от болонского процесса. Для этого делается краткий экскурс в историю, исследуется вопрос обоснованности присоединения к болонскому процессу. Раскрывается содержание болонского процесса и ожидания, которые имели место при принятии решения о присоединении к нему. Приводятся некоторые официальные статистические данные, положительно характеризовавшие в прежние годы внедрение Болонской системы в Российской Федерации. Отмечаются некоторые спорные и негативные моменты существования в России Болонской системы. Отражается мнение судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановского по поводу данной системы. Обосновывается необходимость поиска альтернатив Болонской системе, причем с учетом советского опыта, опыта развития Болонской системы и возможности формирования гибридной модели образования. Признается целесообразность сохранения многоуровневой системы высшего образования, более того, ее горизонтальной дифференциации магистратуры в целях углубления специализации и повышения качества. Критически оцениваются идеи возрождения старых традиций отечественного образования. Формулируется вывод об отсутствии необходимости радикально изменять систему образования, отказываясь от болонских принципов; вместо

этого предлагается совершенствовать систему образования постепенно, оставаясь в рамках болонских идей.

Ключевые слова: Болонская декларация, бакалавриат, болонская система, болонский процесс, высшее образование, магистратура, система образования, специалитет, уровни высшего образования

Статья поступила в редакцию 23.03.2025, одобрена после рецензирования 03.05.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ALTERNATIVES TO THE BOLOGNA EDUCATION SYSTEM IN MODERN REALITIES

Alexander Pilipenko, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Public Administration of the Law Faculty

Abstract

The author attempts to understand the current state of the national education system, taking into account the realities that have changed in recent years, characterized by a focus on abandoning the Bologna process. For this purpose, a brief history is made, and the issue of the validity of joining the Bologna process is investigated. The content of the Bologna process and the expectations that took place when making the decision to join it are revealed. Some official statistical data are given that positively characterized the implementation of the Bologna system in the Russian Federation in previous years. Some controversial and negative aspects of the existence of the Bologna system in Russia are noted. The opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation K.V. Aranovsky on this system is reflected. The necessity of searching for alternatives to the Bologna system is substantiated, taking into account the Soviet experience, the experience of the Bologna system development and the possibility of forming a hybrid model of education. The expediency of

maintaining a multi-level higher education system is recognized, moreover, its horizontal differentiation of the master's degree in order to deepen specialization and improve quality. The ideas of reviving the old traditions of Russian education are critically evaluated. The conclusion is formulated that there is no need to radically change the education system, abandoning the Bologna principles; instead, it is proposed to improve the education system gradually, remaining within the framework of the Bologna ideas.

Keywords: Bologna Declaration, bachelor's degree, Bologna system, Bologna process, higher education, master's degree, education system, specialty, higher education levels

Введение

В настоящее время Россия как в целом, так и в части системы образования, проходит во многом переломный этап развития, поскольку расчет на тесное взаимовыгодное сотрудничество со странами Западной Европы, в том числе в части развития системы образования, себя исчерпал и стала не только бесперспективным, но и вовсе невозможным. Те принципы и идеалы, которые прежде рассматривались как важная составляющая российского образования и во многом заимствованные на Западе, в настоящее время закономерно пересматриваются. При этом не вполне понятно, какой путь может стать адекватной альтернативой болонской системе, над развитием которой до недавнего времени трудились российское руководство.

Поэтому вопросы поиска альтернативы болонской системе приобретают не только научно-теоретический, но и практический характер.

Основная часть

Болонская система образования в целом базируется на Болонской декларации, предполагающей принятие каждым из государств, внедряющих ее, некой общей для структуры, включающей определённые уровни образования. В связи с этим вполне обоснованным является рассмотрение болонской системы

как некоторого решения, нацеленного на решение задач развития образования внутри европейского пространства, то есть и на международном уровне, а не в рамках отдельно взятой страны.

И вполне очевидно, что такая система во многом себя зарекомендовала положительно, во всяком случае для стран Европы. Россия же, рассматривавшая себя в качестве полноправного члена европейского сообщества, приняла ее в качестве ориентира, учитывая не столько собственные задачи внутреннего развития образования, сколько задачи интеграции в европейское сообщество.

Надо сказать, что в условиях перехода от советской системы управления и поиска возможных альтернатив был вполне закономерным и выбор в пользу болонской системы. Его можно считать продиктованным вполне рациональными соображениями.

Конкретными результатами внедрения болонской системы в России, как и в любой другой страны, должно было стать.

- внедрение общеевропейского Приложения к диплому о высшем образовании;
- введение единого механизма учета содержания образования, полученного каждым из студентов;
- формирование среды, благоприятной для повышения мобильности студентов и преподавателей;
- внедрение двухуровневого образования (бакалавриат и магистратура);
- повышение качества образования и установление общеевропейских критериев его оценки [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 47–50].

Перечисленные ожидания, одновременно рассматривавшиеся как характеристики болонской системы, во многом были реализованы. И в целом, не углубляясь в детали, систему можно охарактеризовать положительно. Но ожидания оправдались не в полной мере.

Так предполагалось, что российские ВУЗы, причем не только ведущие, а все, и выдаваемые ими дипломы получат международное, прежде всего,

европейское, признание; ожидалось, что российские выпускники получат возможность проходить стажировку, получать опыт и возможность трудоустройства за рубежом именно на основе отечественных дипломов об образовании; такие же ожидания были и относительно возможностей представителей научно-преподавательского состава; были ожидания и о повышении качества российского высшего образования именно на базе некоторых общеевропейских требований. Оправдались ли эти ожидания? Вряд ли.

Интересно, что присоединение к болонской системе поддерживалось если не всеми, то многими. Например, в 2006 г. профессор С. Медведев отмечал, что «ни изоляция от Болонского процесса, ни навязывание внешних стандартов российскому высшему образованию не имеют политического будущего. Вместо этого Россия и Европа должны добиваться интеграции в сфере высшего образования» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 36].

Надо сказать, что на официальном уровне результаты внедрения болонской системы в Российской Федерации оценивались сугубо положительно. Например, О.Ю. Васильева, являвшаяся в 2017 г. Министром образования, в ответ на вопросы одной из фракций Государственной Думы, привела некоторые данные. В первую очередь было обращено внимание на то, что к Болонскому процессу присоединились в целом 48 государств, среди которых были Великобритания, Германия, Италия, Испания. Франция, также многие страны постсоветского пространства. Были отмечены положительные изменения в части академической мобильности, причем как входящей, так и исходящей, не только среди студентов, но и среди профессорско-преподавательского состава. Существенно повысилась численность российских граждан, получавших образование за рубежом. Вместе с этим, и российские учебные заведения стали привлекательными для иностранных студентов. Однако, примечательно, что российские студенты в большей мере ориентировались на получение образования в Германии, Великобритании, Франции, в то время как российскими вузами в основном

интересовались представители стран постсоветского пространства, а не Западной Европы: европейские студенты в российских вузах до 2017 г. составляли лишь 5% от общей численности иностранных студентов. Также было отмечено, что около 1000 российских преподавателей проходили стажировку за рубежом, в частности в Германии [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Из этого можно сделать некоторые выводы. В частности, российские граждане во многом были нацелены на получение образования в Западной Европе, в то время как представители граждан стран Западной Европы не слишком стремились в российские вузы. То есть российская система высшего образования в значительной степени продолжала быть ориентированной русскоязычную аудиторию.

Примечательно, что в указанном письме ничего не говорится о том, сколько российских преподавателей выбыло в Европу и сколько иностранных преподавателей из стран Европы прибыли в Россию в целях продолжения профессиональной деятельности. Ничего не сказано и об оттоке наиболее подготовленных в профессиональном смысле граждан в страны Западной Европы. Соответственно, при наличии некоторых положительных аспектов усматриваются и спорные моменты.

Весьма критически относительно отечественной системы образования в 2019 г. высказался судья Конституционного Суда РФ К.В. Арановский, который признал, что действительно дипломы отечественных вузов зачастую не гарантируют надлежащий уровень подготовки их обладателей, как не гарантируют и возможностей для трудоустройства по специальности. Он отметил отсутствие благоприятных условий для профессиональной педагогической деятельности. Было также подчеркнуто отсутствие фактической возможности для самоуправления ВУЗов, академической свободы и нацеленность ВУЗов на обслуживание системы. К.В. Арановский указал и на наличие иных мнений, не поддерживающих идею внедрения и развития в России болонских стандартов и разделение высшего образования на уровни

бакалавриата и магистратуры, в том числе исходя из отсутствия существенного повышения качества. Было поставлено под сомнение и фактическое международное признание отечественных дипломов как достаточное условия для осуществления профессиональной деятельности за рубежом. [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Данная позиция наиболее ярко отражает проблематику российского образования, в том числе высшего. И её ценность в том, что она высказана именно официальным лицом, пусть и в рамках особого мнения.

Поэтому современные реалии диктуют целесообразность поиска новых ориентиров для развития. В этой связи учёными высказываются разные мнения относительно альтернатив болонской системе применительно к российскому образованию.

Впрочем, многие мнения, высказываемые в научных исследованиях, носят аналогичный характер. При этом зачастую обосновываются тем, что действительность в результате в результате внедрения болонской системы в России не оправдала ожиданий. Более того, отмечаются существенные негативные эффекты, в том числе и в результате усиления мобильности, в частности, асимметричная интернационализация не в пользу отечественных ВУЗов, «утечка молодых мозгов» [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 311].

Указанные мнения в целом представляются справедливыми. Анализировать же конкретные статистические данные здесь нет необходимости.

Все изложенное выше даёт чёткое представление о необходимости пересмотра курса в части развития российской системы высшего образования. Варианты же могут быть различные. Однако нельзя отрицать наличие советского опыта, опыта развития болонской системы и потенциальную возможность формирования своеобразной гибридной модели [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 315].

Говоря о поиске альтернатив утратившей актуальность Болонской системе, нельзя не затронуть вопрос Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Зачастую его внедрение связываются с введением Болонской системы, однако такое мнение является ошибочным, на что обратил внимание руководитель Рособнадзора А. Музаев [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 92].

Поэтому любые негативные характеристики, которыми принято наделять ЕГЭ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 89], к Болонской системе имеют лишь опосредованное отношение. Хотя, если говорить о системе образования в целом, то, безусловно, и Болонская система, и система ЕГЭ являются в настоящее время ее неотъемлемыми компонентами.

Надо признать, что, отказываясь от Болонской системы, невозможно вернуться к прежней системе советского образца, поскольку в настоящее время совершенно иные реалии. Отсюда следует необходимость ориентации, в том числе, и на международную интеграцию, которая может быть обеспечена на базе ЕАЭС как наиболее дружественной России международной организации. Особенно это важно с учётом того, что Россия в настоящее время занимает 5 место в мире по приёму иностранных студентов. Существенным препятствием внедрению какой-либо единой системы в рамках той или иной международной организации, в том числе ЕАЭС, являются различия в образовательном законодательстве [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Поэтому задача формирования некоторого единого образовательного пространства если и может быть реализована, то лишь в долгосрочной перспективе.

Соответственно, вполне закономерными представляются предложения отечественных исследователей о необходимости разработки именно российской модели развития высшего образования как альтернативы болонской системе [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Здесь следует признать преимущество и необходимость сохранения Многоуровневая система высшего образования, особенно с учётом потребности в максимально быстром реагировании на изменяющиеся реалии экономической

и правовой жизни. Также видятся заслуживающими внимания принципы многоформатности, структурной гибкости, открытости образования [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 21].

Каждый из перечисленных принципов в данном случае раскрывать не представляется необходимым, ведь в целом очевидно, что в совокупности они означают, что система высшего образования должна быть максимально адаптированной к динамичной экономике.

Внимания заслуживает и вопрос обеспечения возможностей разработки индивидуальных образовательных траекторий [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 15-18]. Это позволило бы обеспечивать возможность получения образования, переподготовки, повышения квалификации практически для всех граждан, имеющих на то мотивацию, в том числе для тех, кто основное своё время посвящает трудовой, а не учебной деятельности.

В связи с изложенным заслуживает поддержки также идея разделения магистратуры на несколько категорий, а именно на профессиональную (на базе как профильного, так и непрофильного бакалавриата/магистратуры), научно-исследовательскую, управленческую [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 17–18].

Конечно, нельзя отрицать, что современная система образования, базирующаяся на принципах Болонской декларации, далека от идеала. Однако и в ней есть то, что следует позаимствовать (сохранить) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 148]. В частности, такими важными преимуществами являются инструменты, позволяющие обеспечивающие мобильность, адаптивность системы образования.

Поэтому идеи возрождения старых сугубо отечественных (как дореволюционных, так и советских) традиций [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 167] вряд ли могут быть поддержаны. Это не в полной мере отвечает запросам современного общества.

Конечно, отечественные традиции важно сохранять, но именно избирательно, обоснованно, избегая при этом полного игнорирования западного и отечественного опыта современного опыта, накопленного в рамках болонской системы.

Заключение

Альтернативы Болонской системе потенциально могут быть разные, в том числе формирование аналогичной международной модели, но в рамках других, более дружественных по отношению к России международных организаций, формирование некоторой гибридной модели, базирующейся на отечественном опыте и опыте Болонской системы; возрождение сугубо отечественных традиций и полный отказ от каких-либо попыток пересмотра традиционных подходов.

Но наиболее уместным представляется сохранение того позитивного опыта, который был накоплен за годы, когда российская система образования развивалась на принципах Болонской системы. Советский опыт уместно внедрять избирательно, адаптируя к нуждам современного общества и государства. При этом важно признать, что наряду с качеством высшего образования необходимо обеспечение и его доступности, а также удобства процесса получения, особенно для тех граждан, которые уже заняты профессиональной трудовой деятельностью как основной.

Нет необходимости предпринимать радикальные меры, нацеленный на прямой отказ от болонских принципов, а равно не следует и абсолютизировать их. Болонская система может быть сохранена в российских реалиях, но в той форме, в какой будет учитываться именно отечественный опыт. А ее недостатки должны устраняться поэтапно, постепенно и системно.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.10.2019 № 31-П // СПС «КонсультантПлюс». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335171/ (дата обращения: 10.02.2025).

2. Письмо Минобрнауки России от 26.09.2017 № МОН-П-4472 «О направлении ответов на вопросы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286829/ (дата обращения: 10.02.2025).

3. Гилязова, О. С. Дилемма «советские традиции - болонские инновации»: к вопросу о выборе модели российского высшего образования / О. С. Гилязова, А. Н. Замощанская // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 2(36). – С. 308-317.

4. Губарева Л.И., Коныжева Ю.Г., Водолажская М.Г. Динамика психофизиологических показателей у учащихся 11-х классов, сдающих Единый государственный экзамен // Психология. Психофизиология. 2024. Т. 17, № 1. С. 91–102.

5. Дождиков А.В. К вопросу о рабочей модели модернизации Единого государственного экзамена для преодоления неравенства доступа к высшему образованию // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 79–95

6. Канунникова, А. М. Интернационализация высшего образования России в современных условиях // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/20ECVN223.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

7. Клячко Т.Л. Российская система высшего образования на переломе // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2(19). С. 35–51.

8. Константинова Л.В., Петров А.М., Штыхно Д.А. Переосмысление подходов к уровневой системе высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 2. С. 9–24.

9. Медведев, С. Болонский процесс, Россия и глобализация // Высшее образование в России. 2006. № 3. С. 31–36.

10. Михайлов, М. В. К вопросу о правовой политике модернизации российского образования на современном этапе // Теория государства и права. 2024. № 3(38). С. 164-172.
11. Петров В.В. За пределами Болони: перспектива развития отечественных университетов в условиях локализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 142–150.
12. Смирнов С. Болонский процесс: перспективы развития в России // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 43–51.

References

1. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.10.2019 № 31-P // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335171/ (data obrashheniya: 10.02.2025).
2. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 26.09.2017 № MON-P-4472 «O napravlenii otvetov na voprosy» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286829/ (data obrashheniya: 10.02.2025).
3. Gilyazova, O. S. Dilemma «sovetskie tradicii - bolonskie innovacii»: k voprosu o vy`bore modeli rossijskogo vy`sshego obrazovaniya / O. S. Gilyazova, A. N. Zamoshhanskaya // CITISE`. – 2023. – № 2(36). – S. 308-317.
4. Gubareva L.I., Kony`zheva Yu.G., Vodolazhskaya M.G. Dinamika psixofiziologicheskix pokazatelej u uchashhixsya 11-x klassov, sdayushhix Ediny`j gosudarstvenny`j e`kzamen // Psixologiya. Psixofiziologiya. 2024. T. 17, № 1. S. 91–102.
5. Dozhdikov A.V. K voprosu o rabochej modeli modernizacii Edinogo gosudarstvennogo e`kzamina dlya preodoleniya neravenstva dostupa k vy`sshemu obrazovaniyu // Nauka. Kul`tura. Obshhestvo. 2024. T. 30, № 4. S. 79–95

6. Kanunnikova, A. M. Internacionalizaciya vy`sshego obrazovaniya Rossii v sovremenny`x usloviyax // Vestnik evrazijskoj nauki. 2023. T. 15, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/20ECVN223.pdf> (data obrashheniya: 10.02.2025).
7. Klyachko T.L. Rossijskaya sistema vy`sshego obrazovaniya na perelome // Voprosy` teoreticheskoy e`konomiki. 2023. № 2(19). S. 35–51.
8. Konstantinova L.V., Petrov A.M., Shty`xno D.A. Pereosmy`slenie podxodov k urovnevoj sisteme vy`sshego obrazovaniya v Rossii v usloviyax vy`xoda iz Bolonskogo processa // Vy`sshee obrazovanie v Rossii. 2023. T. 32, № 2. S. 9–24.
9. Medvedev, S. Bolonskij process, Rossiya i globalizaciya // Vy`sshee obrazovanie v Rossii. 2006. № 3. S. 31–36.
10. Mixajlov, M. V. K voprosu o pravovoj politike modernizacii rossijskogo obrazovaniya na sovremennom e`tape // Teoriya gosudarstva i prava. 2024. № 3(38). S. 164-172.
11. Petrov V.V. Za predelami Boloni: perspektiva razvitiya otechestvenny`x universitetov v usloviyax lokalizacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2023. № 72. S. 142–150.
12. Smirnov S. Bolonskij process: perspektivy` razvitiya v Rossii // Vy`sshee obrazovanie v Rossii. 2004. № 1. S. 43–51.

ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Мукерджи Уджал Кумар, Ph.D., Западно-Бенгальский национальный университет юридических наук, Калькутта, Индия, mkrj.in@mail.ru

Аннотация

Спорт, как одна из важнейших сфер общественной и государственной жизни, является и важнейшим направлением реализации интересов Российской Федерации на международной арене. Санкционное давление, усилившееся на Россию в последние годы, в том числе в сфере спорта, существенно осложнило защиту соответствующих интересов как для самого государства, так и для российских спортсменов, в связи с чем актуализировалась и проблематика, изучению которой посвящена данная статья. Автором обосновывается наличие международных правовых инструментов, обеспечивающих возможность защиты и государственных интересов в сфере спорта, и интересов каждого конкретного спортсмена, однако эффективность таких инструментов расценивается как недостаточно высокая. Автор подчёркивает объективный характер имеющихся трудностей, преобладание политической, а не правовой составляющей в деле защиты, ангажированность спортивных организаций в вопросах рассмотрения споров, что ставит под вопрос их репутацию. Отмечаются некоторые успехи России в сфере защиты спортивных интересов. Дается авторская оценка перспектив обращения в международные спортивные организации в целях защиты национальных спортивных интересов. Предлагаются некоторые идеи развития практики решения задач в области спорта на международной арене.

Ключевые слова: защита национальных интересов, интересы в сфере спорта, интересы Российской Федерации, международные санкции, международные спортивные организации, санкционное давление

Статья поступила в редакцию 17.04.2025, одобрена после рецензирования 28.05.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

THE PRACTICE OF PROTECTING THE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS REPRESENTATIVES IN INTERNATIONAL SPORTS ORGANIZATIONS UNDER SANCTIONS PRESSURE

Ujal Kumar Mookherjee, Ph.D., West Bengal National University of Juridical Sciences, Kolkata, India

Abstract

Sport, as one of the most important spheres of public and state life, is also the most important area for realizing the interests of the Russian Federation in the international arena. The sanctions pressure that has increased on Russia in recent years, including in the field of sports, has significantly complicated the protection of relevant interests both for the state itself and for Russian athletes, and therefore the issues to which this article is devoted have become relevant. The author substantiates the existence of international legal instruments that ensure the possibility of protecting both state interests in the field of sports and the interests of each individual athlete, but the effectiveness of such instruments is regarded as insufficiently high. The author emphasizes the objective nature of the existing difficulties, the predominance of a political rather than a legal component in the protection, and the involvement of sports organizations in dispute resolution, which calls into question their reputation. Some successes of Russia in the field of protection of sports interests are noted. The author's assessment of the prospects of applying to international sports organizations in order to protect national sports interests is given. Some ideas for developing the practice of solving problems in the field of sports in the international arena are proposed.

Keywords: protection of national interests, interests in the field of sports, interests of the Russian Federation, international sanctions, international sports organizations, sanctions pressure

Введение

Интересы Российской Федерации, как и её представителей, в сфере спорта имеют важное национальное значение. В равной мере сказанное справедливо и относительно защиты указанных интересов, в том числе на международном уровне. В условиях санкционного давления, которое кардинально усилилось в 2022 г., вопросы защита интересов в международных спортивных организациях стали особо актуальными и, вместе с тем, более проблемными. Поэтому в данной статье обозначенная проблематика рассматривается именно в практическом русле.

Основная часть

Сначала следует сказать о правовой основе деятельности Российского государства, связанной с защитой интересов в международных спортивных организациях. Ее главным элементом выступает Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1] (далее также – Закон № 329-ФЗ).

Указанный Закон в ч. 5 ст. 36.2 предусматривает, что «при разрешении споров, возникающих в профессиональном спорте и спорте высших достижений, включая индивидуальные трудовые споры, третейский суд руководствуется нормативными правовыми актами, действующими на территории Российской Федерации, Олимпийской хартией Международного олимпийского комитета, Сводом правил Международного паралимпийского комитета, Всемирным антидопинговым кодексом, актами международных спортивных организаций и международных спортивных федераций, положениями (регламентами) спортивных соревнований, утвержденными их организаторами...».

Процитированная норма обосновывает особую роль международных нормативны документов, регламентирующих правоотношения в сфере спорта, а также особую роль соответствующих международных спортивных организаций. Поэтому логично полагать, что анализируемый Закон должен формировать и некоторые правовые основы для защиты интересов Российской Федерации и её

спортсменов в соответствующих международных организациях, накладывая именно на государство определённые обязательства. Однако анализ норм данного Закона свидетельствует о том, что таковые обязательства законодательно не закреплены, как и соответствующие права, направления государственной политики и пр.

По мнению автора, Закон № 329-ФЗ не затрагивает многих крайне важных аспектов развития отечественного спорта в контексте участия в контексте представления России на международном спорте. В частности, в нём не отражены основы деятельности, связанной с защитой национальных интересов (интересов и Российской Федерации, и её спортсменов) в международных спортивных организациях. В этом видится пробел действующего законодательства о физкультуре и спорте, причём пробел существенный.

Хотя нельзя сказать, что в данном законе полностью игнорируются нюансы участия России в международном спортивном движении. Так, помимо процитированной выше нормы имеется и ст. 40, предусматривающая международное сотрудничество России в сфере физической культуры и спорта, где подчёркивается соблюдение международных договоров в этой сфере, а также возможность создания международных спортивных организаций, их филиалов, представительств в России.

При изучении содержания ст. 6 Закона № 329-ФЗ, о полномочиях Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта, тоже можно отметить существенный недостаток: в перечень полномочий здесь не включено осуществление мер по защите интересов Российской Федерации в сфере спорта в международных организациях, не упомянуто о содействии отечественным спортсменам в защите их интересов в международных организациях применительно к случаям, когда речь идёт именно об участии в официальных международных мероприятиях спортивного характера.

В части регулирования олимпийского движения и деятельности Олимпийского комитета России в ст. 11 рассматриваемого Закона тоже ничего

не говорится о защите национальных интересов России в международных организациях, в том числе в Международном олимпийском комитете.

Ст. 24 данного Закона в числе прав спортсменов ничего не упоминает о праве на получение поддержки со стороны Российской Федерации, в том числе в лице её уполномоченных спортивных организаций и органов, по крайней мере в тех аспектах, которые касаются участия в международных официальных спортивных соревнованиях, когда соответствующие спортсмены представляют Россию.

В Указе Президента РФ от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [2] все же вопрос защиты национальных интересов в спортивной сфере затрагивается, о чем свидетельствует п. 49, где говорится следующее: «Полноценное участие России в соревнованиях во всех олимпийских спортивных дисциплинах не должно зависеть от конъюнктурной политики отдельных государств и ангажированных подходов представителей профильных международных организаций. Важно защищать права российских спортсменов и не допускать их дискриминации».

Обращение внимания на указанные нюансы представляется особенно важным с учётом проблем, отмеченных в Государственной программе «Развитие физической культуры и спорта» [3], а именно политизации спорта на международной арене и его использование для изменения геополитических ценностных приоритетов, а также сохранения международного давления на Россию. При этом в числе приоритетов и целей государственной политики говорится о повышении конкурентоспособности российского спорта на международной спортивной арене, но о важности повышения эффективности правовой защиты российских интересов в сфере спорта не упомянуто.

Среди целевых показателей реализации Стратегии развития физической культуры и спорта, ориентированной на период до 2030 г. [4] тоже отсутствуют показатели, которые отражали бы эффективность деятельности уполномоченных

органов в сфере защиты интересов России и ее спортсменов на международной арене.

То есть на уровне нормативного правового регулирования, прежде всего законодательного, пока что не поставлены конкретные цели, задачи, которые бы обеспечивали должную системность и эффективность в сфере в деле российских интересов в области спорта именно на международной арене. Хотя нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается. Определённые меры именно практического характера, которые призваны защитить российские спортивные интересы, все же предпринимаются.

Среди мер особенно выделяется обращение в Международный спортивный арбитражный суд (CAS / TAS), который всегда принято рассматривать как один из наиболее авторитетных международных органов, обеспечивающих возможность защиты соответствующих прав и интересов в сфере спорта. Однако в последние годы объективность данного органа небезосновательно стала ставиться под сомнение.

Наиболее ярким подтверждением указанной проблемы стала ситуация отстранения российских спортсменов от участия в Олимпийских играх 2024 г., в результате чего Олимпийский комитет России (далее – ОКР) подал в указанный суд жалобу; помимо того, с соответствующими апелляциями в суд обратились и некоторые спортивные федерации России. При этом в целом иски касались обжалования решений относительно отстранения спортсменов, представляющих Россию, от участия в международных соревнованиях, также о взыскании убытков с международных спортивных федераций, в одностороннем порядке отменивших соревнования на территории России, обжалования решений и действий международных спортивных организаций, которые посягали на права российских спортивных структур. CAS, приняв соответствующие обращения, принялся к рассмотрению дел лишь по прошествии года. Но поскольку в таком случае само рассмотрение споров утрачивало всякий правовой смысл, ОКР позднее отозвал апелляционное заявление. То есть до рассмотрения по существу

спор не дошёл в указанном органе, а, между тем, он фактически является единственной инстанцией, которая бы могла кардинально повлиять на ситуацию [6, с. 18–23].

Сложно сказать однозначно, насколько обоснованным с практической точки зрения было решение ОКР об отказе от продолжения судебного спора, ведь подлежавшие защите интересы России в части участия в Олимпиаде-2024 утратили правовой смысл, но с другой стороны, накопление опыта обжалования определенных мер со стороны спортивных организаций тоже представляется важным, его говорить о долгосрочной перспективе, но ОКР этот аспект не принял во внимание.

В любом случае возможности для защиты российских интересов в указанном суде в сложившихся политических условиях оказываются крайне ограниченными. Во многом это обусловлено комплексом весьма жёстких ограничений:

1) наличием правил представления письменных доказательств (новые доказательства при продолжении спора, в том числе в рамках апелляции, не допускаются);

2) наличием списка арбитров, который является закрытым, причем отсутствуют граждане России;

3) местом рассмотрения спора всегда является швейцарский город Лозанна, и оно не может быть изменено [6, с. 60–61].

Однако есть и положительные примеры опыта обращения в международные органы в целях обжалования решений и действий в отношении России и ее спортсменов.

Например, ранее имел место спор, в результате которого 28 спортсменов, представлявших Россию, были оправданы Спортивным арбитражным судом по делу о нарушении антидопинговых правил на Олимпиаде в г. Сочи. Их результаты были восстановлены, награды возвращены, как и право на участие в олимпиадах [7].

Однако в настоящее время положительный опыт является скорее исключением, хотя это не означает, что есть повод отказываться от оспаривания решений, нарушающих интересы России и её спортсменов в тех судебных инстанциях, которые на сегодняшний день в условиях мирового сообщества действуют и признаются в глобальном масштабе.

Изложенное также свидетельствует о том, что на сегодняшний день недостаточно стать победителем престижных международных спортивных соревнований. Важно ещё и сохранить статус победителя в дальнейшем де-юре, ведь практика лишения спортсменов ранее полученных наград имеет место [8, с. 23], а решения об этом нередко являются предвзятыми. Поэтому принципиально важно развивать сферу защиты российских спортивных интересов именно на международном уровне.

Более того, важно формировать, накапливать, обобщать положительную практику обжалования решений международных органов в отношении российских спортсменов и государства в целом, на основе чего формировать эффективные механизмы поддержки тех спортсменов, которые по тем или иным причинам столкнулись с международными ограничениями. Это важно особенно с учетом отсутствия четкого механизма защиты прав спортсменов [8, с. 25].

Думается, что в решении этих проблем должны быть активно задействованы и представители юридического сообщества в сфере спорта [5]. Пока же их участие остаётся минимальным.

Особенно важно развивать тесное сотрудничество в сфере защиты прав спортсменов в рамках БРИКС и ШОС. Возможно, что эти организации прямо или косвенно смогут влиять на те структуры, которые в отношении российских спортсменов проявляют нелояльность.

Можно согласиться с В. Блажеевым в том, что для защиты спортсменов, представляющих Россию, нужно задействовать любые правовые механизмы, даже при наличии сомнений в том, позволят ли они достичь какого-то

результата. В этом вопросе, как он полагает, иногда и сам процесс очень важен, поскольку может влиять на общественность, в том числе спортивную [9].

Заключение

Таким образом, практика защиты интересов Российской Федерации, её спортсменов на международной арене характеризуется наличием как положительного, так и негативного опыта. И в условиях санкционного давления имеющиеся в этой сфере проблемы важно решать как в рамках законодательного регулирования, так и на рамках правоприменения, причем последовательно, системно, целенаправленно.

Важно пересмотреть действующее законодательство о физической культуре и спорте, дополнив его нормами, предусматривающим в числе целей и (или) задач Российской Федерации, а также ее полномочий активную защиту интересов не только государства, но и представляющих его спортсменов. Соответствующие задачи важно предусмотреть также и в документах стратегического планирования (стратегии и программы развития спорта). В этой связи могут быть намечены и определённые целевые показатели.

Принципиально важно использовать все возможные инструменты, в том числе судебные, а потому представляется нецелесообразным отказываться от обжалования тех или иных решений даже в тех случаях, когда продолжение международного судебного спора утрачивает смысл ввиду завершения спортивного соревнования, до которого россияне не были допущены: победа в таком споре может быть в дальнейшем использована для взыскания соответствующего возмещения. Более того опыт участие в подобных спорах крайне важен с учётом дальнейших перспектив защиты российских интересов в международных судебных инстанциях.

Важным направлением является и сотрудничество в рамках крупных международных организаций, которые относительно лояльны к России (БРИКС, ШОС). Внесение вопросов о нарушении прав спортсменов на обсуждение данных организаций представляется также необходимым.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.
2. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425946/
3. Постановление Правительства РФ от 30.09.2021 № 1661 (ред. от 21.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие физической культуры и спорта" и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397234/
4. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р (ред. от 17.12.2024) «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/
5. Ахмадов М. Юристы в сфере спортивного права должны сыграть важную роль в защите российских спортсменов на международном уровне // Официальный портал Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/137595/>
6. Засемкова О.Ф. Защита прав российских спортсменов в национальных и международных спортивных арбитражных судах: аналитический доклад // Консорциум «Инновационная юриспруденция»: официальный портал. URL: <https://consortium.msai.ru/wp-content/uploads/2025/04/Zashhita-prav-rossijskih-sportsmenov-v.pdf>

7. Рыночнова Д. Недопуск на Олимпиаду оспорили 32 российских спортсмена // Парламентская газета: официальный портал. 06.02.2018. URL: <https://www.pnp.ru/politics/nedopusk-na-olimpiadu-osporili-32-rossiyskikh-sportsmena.html>
8. Саунина Е.В., Елизарова Т.А. Актуальные проблемы международной защиты прав спортсменов // Законность и правопорядок. 2019. № 4 (24). С. 21–26.
9. Стороженко А., Рогоцкая С. Чтобы защитить спортсменов, нужно задействовать любые правовые механизмы // Официальный портал Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/chtoby-zashchitit-sportsmenov-nuzhno-zadeystvovat-lyubye-pravovye-mekhanizmy/>

References

1. Federal'nyj zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ (red. ot 21.04.2025) «O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 50. St. 6242.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.09.2022 № 611 (red. ot 17.10.2022) «Ob utverzhdenii Konceptcii gumanitarnoy politiki Rossijskoj Federacii za rubezhom» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425946/
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.09.2021 № 1661 (red. ot 21.12.2024) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Rossijskoj Federacii "Razvitie fizicheskoy kul'tury` i sporta" i o priznanii utrativshimi silu nekotory`x aktov i otdel'ny`x polozhenij nekotory`x aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397234/
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 24.11.2020 № 3081-r (red. ot 17.12.2024) «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury` i sporta v Rossijskoj

Federacii na period do 2030 goda» // SPS «Konsul`tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/

5. Axmadow M. Yuristy` v sfere sportivnogo prava dolzhny` sy`grat` vazhnuyu rol` v zashhite rossijskix sportsmenov na mezhdunarodnom urovne // Oficial`ny`j portal Soveta Federacii. URL: <http://council.gov.ru/events/news/137595/>

6. Zasemkova O.F. Zashhita prav rossijskix sportsmenov v nacional`ny`x i mezhdunarodny`x sportivny`x arbitrazhny`x sudax: analiticheskij doklad // Konsorcium «Innovacionnaya yurisprudenciya»: oficial`ny`j portal. URL: <https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2025/04/Zashhita-prav-rossijskih-sportsmenov-v.pdf>

7. Ry`nochnova D. Nedopusk na Olimpiadu osporili 32 rossijskix sportsmena // Parlamentskaya gazeta: oficial`ny`j portal. 06.02.2018. URL: <https://www.pnp.ru/politics/nedopusk-na-olimpiadu-osporili-32-rossiyskikh-sportsmena.html>

8. Saunina E.V., Elizarova T.A. Aktual`ny`e problemy` mezhdunarodnoj zashhity` prav sportsmenov // Zakonnost` i pravoporyadok. 2019. № 4 (24). S. 21–26.

9. Storozhenko A., Rogozhkaya S. Chtoby` zashhitit` sportsmenov, nuzhno zadejstvovat` lyuby`e pravovy`e mexanizmy` // Oficial`ny`j portal Federal`noj palaty` advokatov RF. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/chtoby-zashchitit-sportsmenov-nuzhno-zadeystvovat-lyubye-pravovye-mekhanizmy/>

Научная статья

УДК 341.9 : 347.6

О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ НОРМ ИНОСТРАННОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА ОСНОВАМ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Денонкур Джанис, Ph.D., доцент, Ноттингемская юридическая школа,
Ноттингемский Трентский университет, lfranc.ut91@gmail.com**

Аннотация

В последние годы становятся относительно частым явлением ситуации, в которых подлежащие применению на территории России нормы иностранного семейного права вступают в противоречие с российским публичным порядком. В таких условиях национальное законодательство должно быть максимально эффективным с позиции защит публичного порядка. Однако оно содержит некоторые пробелы, что не создает достаточно прочной нормативной основы для единообразного разрешения всех спорных ситуаций. Поэтому в статье указанные противоречия и пробелы рассматриваются. Основные из них касаются признания (непризнания) правоспособности вступить в брак, правовой оценки полигамных и однополых союзов. И если относительно последних закон и Конституционный Суд дают вполне однозначные ответы, исключающие их признание, то вопросы брачной правоспособности иностранных граждан, заключивших брак за рубежом, остаются спорными. В связи с этим автором в законодательстве выявлены недостатки: во-первых, Конституция РФ провозглашает приоритет международного договора перед законом, не оговаривая при этом недопустимость нарушения национального публичного порядка Российской Федерации; во-вторых, Семейный кодекс РФ предусматривает признание брачных союзов, заключённых иностранными гражданами за рубежом в соответствии с иностранным законодательством, причём даже в тех случаях, когда такие брачные союзы противоречат

российскому законодательству. На этом основании предлагается внесение изменений в нормы указанных источников законодательства.

Ключевые слова: иностранное семейное право, нарушение публичного порядка, применение норм иностранного права, публичный порядок, российское семейное право, СК РФ

Статья поступила в редакцию 13.05.2025, одобрена после рецензирования 12.06.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ON SOME CONTRADICTIONS BETWEEN THE NORMS OF FOREIGN FAMILY LAW AND THE FUNDAMENTALS OF PUBLIC ORDER IN THE RUSSIAN FEDERATION

**Denoncourt Janice, Ph.D., Associate Professor, Nottingham Law School,
Nottingham Trent University**

Abstract

In recent years, it has become relatively common for situations in which the norms of foreign family law to be applied in Russia come into conflict with Russian public policy. In such circumstances, national legislation should be as effective as possible in protecting public order. However, it contains some gaps, which does not create a sufficiently solid regulatory framework for the uniform resolution of all disputes. Therefore, these contradictions and gaps are considered in the article. The main ones relate to the recognition (non-recognition) of legal capacity to marry, the legal assessment of polygamous and same-sex unions. And if the law and the Constitutional Court give quite unambiguous answers regarding the latter, excluding their recognition, then the issues of marital status of foreign citizens who have married abroad remain controversial. In this regard, the author identified shortcomings in the legislation: firstly, the Constitution of the Russian Federation proclaims the priority of an international treaty over the law, without stipulating the inadmissibility of violating the

national public order of the Russian Federation; secondly, the Family Code of the Russian Federation provides for the recognition of marriage unions concluded by foreign citizens abroad in accordance with foreign legislation, and even in cases where such marriage unions are contrary to Russian law. On this basis, it is proposed to amend the norms of these sources of legislation.

Keywords: foreign family law, violation of public order, application of norms of foreign law, public order, Russian family law, IC RF

Введение

Россия, будучи частью мирового сообщества, на конституционном уровне признает международное право и на этой основе допускает признание и применение норм иностранного права на своей территории, исходя из принципа взаимности и наличия достигнутых договоренностей с другими странами.

Необходимость признания иностранного права в рамках семейных правоотношений продиктована, прежде всего, наличием в тех или иных правоотношениях иностранного элемента. Между тем, реалии правового регулирования таковы, что зарубежное законодательство нередко вступает в противоречие с российским законодательством и обеспечиваемым им публичным порядком. Наличие подобных противоречий является основанием для отказа в признании и применении норм зарубежного законодательства на территории России, а также не позволяет исполнять в России решения зарубежных и международных юрисдикционных органов. Однако многие аспекты, касающиеся упомянутых противоречий, весьма неоднозначны, в том числе с учётом необходимости обеспечения возможности признания и применения норм российского законодательства за рубежом.

Основная часть

Источники российского законодательства, в частности, гражданского и семейного права содержат положения о возможности применения норм иностранного семейного права в России, как и оговорки о публичном порядке.

Поэтому на такие положения необходимо обратить внимание. Так, Семейный кодекс РФ [1] (далее – СК РФ) в ст. 166 в общем виде определяет порядок, на основе которого устанавливается содержание норм зарубежного семейного права. В рамках решения этой задачи суд либо соответствующий орган, осуществляющий запись актов гражданского состояния (ЗАГС), либо иной орган устанавливает содержание соответствующих норм исходя из:

- их официального толкования;
- практики применения;
- доктрины, господствующей на территории соответствующего государства.

Та же статья наделяет указанные категории субъектов правом обратиться в Минюст России или иные компетентные органы для установления содержания норм. Более того, возможно и привлечение соответствующих экспертов для решения указанной задачи. Очевидно, что в отдельных наиболее сложных ситуациях, требующих максимально ответственного и взвешенного подхода, уместно и обращение в Конституционный Суд РФ, позиция которого является наиболее авторитетной, не оспаривается и фактически приравнивается к позиции федерального законодателя, исходя из возможности давать оценку федеральных законов или иных источников права с точки зрения их соответствия Основному Закону страны.

Указанная статья позволяет вместо норм зарубежного права применять нормы российского права в случаях, когда содержание норм зарубежного права не было установлено, если все необходимые предусмотренные законом меры для этого были предприняты. Конечно, такие случаи являются скорее исключением, нежели правилом. И в этой связи интерес представляют другие ситуации, когда от применения норм зарубежного права Россия отказывается из соображений охраны публичного порядка, о чем говорится в ст. 167 СК РФ, которая не допускает применения соответствующих норм зарубежного права при их

противоречии основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации.

Такая мера является полностью оправданной и юридически, и идеологически (политический), поскольку является неотъемлемым условием охраны конституционного строя, безопасности, суверенитета и прочих особо значимых конституционных ценностей, имеющих в любом случае приоритетное значение.

Гражданский кодекс РФ [2] (далее – ГК РФ) в ст. 1193 также упоминает оговорку о публичном порядке, исходя из которой не допускается применение иностранного права в случае, когда имеют место отношения, осложнённые иностранным элементом, если применение такой нормы повлечёт противоречие основам публичного порядка Российской Федерации.

Важно обратить внимание на один принципиальный нюанс, оговоренный в указанной статье: отказ применить норму зарубежного права недопустимо обосновывать только лишь отличием правовой, политической, экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации. Иными словами, если в конкретном государстве сформировалась не рыночная (капиталистическая), а командно-административная, плановая экономическая (социалистическая) модель, это не исключает возможности применения норм права такого государства в России в отдельных случаях, если для того имеются основания. Это касается и других случаев, в частности, применения права страны, в которой действует монархическая форма правления.

То есть законодатель в этом аспекте попытался максимально преодолеть возможный формализм при разрешении вопроса о применении тех или иных норм. Но сегодняшний день было бы ошибочным утверждение о том, что законодательство, определяющее ограничения возможностей применения норм иностранного права на территории России и в целом, и в части семейного права

не имеет недостатков. Как справедливо отмечается в литературе, недостатков в этой сфере регулирования масса.

Например, Е.П. Войтович [5, с. 27–30] подчёркивает несовершенство сложившейся практики реализации соответствующих норм о публичном порядке. Причём такая практика обусловливается судебной интерпретацией. То есть многое зависит именно от усмотрения соответствующих судов, и среди этих судов ведущая роль принадлежит Конституционному Суду РФ.

Отмечается наличие достаточно богатого опыта в части применения оговорок о публичном порядке. Причём наиболее часто такого рода оговорки находят применение в рамках арбитражной судебной практики. Но несмотря на достаточно богатую практику, продолжает спорным оставаться вопрос о сущности публичного порядка, поскольку в нормах действующего законодательства она не раскрывается, а лишь упоминается. Более того, совершенно справедливо Е.П. Войтович [5, с. 27–30] отмечает нестабильность содержания публичного порядка в представлении судебных органов. Причиной такой ситуации является, том числе, неиспользование оговорки о публичном порядке судами общей юрисдикции в рамках дел, касающихся семейных правоотношений, хотя такая оговорка прямо предусмотрена в ст. 167 СК РФ.

В настоящий момент не представляется возможным дать однозначный ответ на вопрос о том, по какой причине суды общей юрисдикции в своей практике игнорируют указанную норму СК РФ. Хотя принципиального значения поиск ответа на данный вопрос не имеет.

Следует отметить, что использование оговорки о публичном порядке имеет место не только в России, но и в других странах, в том числе и применительно к разрешению ситуаций, связанных с семейными правоотношениями, в которых участвуют субъекты, имеющие статус иностранного элемента.

При этом подходы, используемые судами в рамках разрешения конкретных ситуаций противоречия иностранного права национальному

публичному порядку решаются не одинаково, а большинство дел касается признания (непризнания) факта бракосочетания или расторжения брака, в том числе совершенного на основании религиозных норм, на что указывает, в частности, Е.П. Войтович [5, с. 27–30].

Профессор В.А. Канашевский указывает, что чаще всего имеет место вопрос, касающийся признания (непризнания) юридических последствий заключенных за рубежом полигамных браков, однополых союзов, также условий о правоспособности лиц, вступающих в брак, если таковые условия носят дискриминационный характер. Причём такого рода нормы во многом связаны с трактовкой конкретных терминов, используемых в коллизионных нормах. Им не всегда уделяется внимание как в законодательстве, так и в юридической литературе, хотя значимость их роли отрицать невозможно [6, с. 57].

В контексте изложенного наиболее ярко иллюстрирует терминологическую проблему такой феномен, как брак, который в рамках российского публичного порядка принято рассматривать с позиций традиционного подхода, что в целом свойственно и большинству стран мира. Здесь надо обратить внимание на п. 3 ст. 1 СК РФ, упоминающей лишь брачный союз мужчины и женщины. Иные варианты, соответственно, исключены в условиях российского публичного порядка.

Конечно, отдельные случаи, когда имеют место ограничения применения иностранного права по мотивам его противоречия публичному порядку, требуют более детального рассмотрения. И если говорить о правоспособности в контексте заключения брака, то надо обратить внимание на п. 2 ст. 156 СК РФ, который предписывает при заключении брака руководствоваться теми условиями, которые определены законодательством государства, гражданином которого является соответствующее лицо, вступающее в брак на территории России.

В мире есть немало государств, где условия вступления в брак устанавливаются достаточно жёсткие и сопряжены с определёнными требованиями, касающимися, например, принадлежности к определённой

религиозной конфессии [6, с. 57–58]. Очевидно, что подобного рода ограничения в условиях российского публичного порядка неуместны, а потому должна применяться оговорка о публичном порядке и соответствующие ограничения братья в расчет не должны на территории Российской Федерации. Аналогичным образом, как нам представляется, должен решаться и вопрос, касающийся брачного возраста. Если в том или ином государстве возраст вступления в брак по общему правилу менее 18 лет, то вполне уместно применить положения ст. 167 СК РФ.

Заметим, что и в российских реалиях более раннее вступление в брак допустимо, однако такие случаи являются исключением из общего правила при определенных условиях и предполагают соблюдение особой процедуры,

Отказ от применения норм иностранного права относительно полигамных или однополых союзов тоже требует внимания. Как было отмечено выше, СК РФ признает в качестве брака исключительно союз мужчины и женщины. И, хотя такой подход в целом можно считать общепринятым, в ряде стран он не поддерживается. К противоречиям с таким правом таких стран применима ст. 167 СК РФ.

Обратим внимание на предпринимавшиеся ранее попытки оспорить нормы российского законодательства, обеспечивающие традиционный подход к трактовке сущности брака. Но Конституционный Суд РФ дал однозначный ответ, что браком надлежит признавать исключительно союз мужчины и женщины. Более того, Судом было обращено внимание на отсутствие каких-либо международных обязательств касательно признания однополых союзов [3].

Изложенное выше заставляет обратить внимание на п. 2 158 СК РФ, который предписывает заключённые между иностранными гражданами браки на территории иностранного государства признавать законами на территории Российской Федерации, если таковые отвечают законодательству государства, ставшего местом их заключения. При этом не упоминается ст. 14, оговаривающая обстоятельства, препятствуют заключению брака. Из этого

можно было бы полагать, что браки иностранных граждан, которые не могли бы быть заключены в России ввиду оговоренных в ст. 14 препятствий, должны безусловно признаваться на территории России, если были заключены за рубежом. Но в этом есть все основания усомниться, ведь по сути речь идет о тех же противоречиях публичному порядку. Справедливость этого вывода подкрепляется и позицией Верховного Суда РФ [4]. В таком случае п. 2 ст. 158 СК РФ следовало бы дополнить условием об отсутствии противоречия ст. 14 СК РФ.

В контексте проблематики ограниченного применения норм иностранного права нельзя не обратить внимание на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которая декларирует приоритет международного договора перед законом. Исходя из этого в литературе даже высказывается мнение о том, «что ограниченность иностранного права не безусловна и должна быть согласована с общим конституционным принципом приоритета норм международных договоров над нормами национального права» [7, с. 259]. Однако такая позиция ошибочна, на наш взгляд, и здесь можно также усмотреть противоречие публичному порядку.

Если же имеются какие-либо сомнения в том или ином случае о наличии противоречия публичному порядку, то уместно задаться вопросом: не повлечёт ли признание тех или иных конкретных норм зарубежного права причинение ущерба интересам публичного порядка? Иными словами, следует руководствоваться универсальным критерием, определяющим необходимость применения так называемых сверхимперативных и императивных норм, защищающих национальный публичный порядок [8, с. 94].

Заключение

Проблема противоречия норм иностранного семейного публичному порядку Российской Федерации остаётся крайне острой, особенно в условиях отступления многих стран от традиционных ценностей. В этой связи охрана национального публичного порядка становится крайне важным условием охраны конституционного строя и тех ценностей, которые в Конституции

провозглашены. И хотя практика применения оговорки о публичном порядке, зафиксированной в ст. 167 СК РФ, не получила должного развития, защита публичного порядка в рассматриваемой сфере обеспечивается вполне последовательно.

Тем не менее, некоторые недостатки в законодательстве выявить удалось. В частности, вопросы возможных противоречий публичному порядку должным образом не учтены в Конституции РФ и СК РФ, поэтому видится необходимость внесения изменений в их некоторые нормы:

- ст. 15 Конституции РФ следует дополнить условием о недопустимости применения международного договора в случае противоречия такового публичному порядку Российской Федерации;

- ст. 158 СК РФ необходимо дополнить условием об отсутствии препятствий для вступления в брак также применительно к иностранным гражданам, брак которых был заключен за пределами России.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902029324?section=text>
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 3№ 24 «О применении норм международного частного права судами Российской

Федерации» // Портал Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28079/>

5. Войтович Е.П. Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 26–43.

6. Канашевский В.А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. 2018. № 5(257). С. 56–62.

7. Максимова Н.А. Ограничение применения норм иностранного семейного права // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 12-1. С. 258–264.

8. Шулаков А.А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // LEX RUSSICA. 2018. № 4 (137). С. 81–97.

References

1. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 23.11.2024) // Sobranie zakonodatel`stva. 1996. № 1. St. 16.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` tret`ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 49. St. 4552.

3. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.11.2006 № 496-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina E`. Murzina na narushenie ego konstitucionny`x prav punktom 1 stat`i 12 Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902029324?section=text>

4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 09.07.2019 3№ 24 «O primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossijskoj Federacii» // Portal Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28079/>

5. Vojtovich E.P. Ogovorka o publichnom poryadke kak osnovanie otkaza v primeneniі inostrannogo semejnogo prava // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2020. № 3. S. 26–43.
6. Kanashevskij V.A. Voprosy` publichnogo poryadka i kvalifikacii pri regulirovanii semejny`x otnoshenij, oslozhnenny`x inostranny`m e`lementom // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 5(257). S. 56–62.
7. Maksimova N.A. Ogranichenie primeneniya norm inostrannogo semejnogo prava // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. T. 14, № 12-1. S. 258–264.
8. Shulakov A.A. Publichny`j poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave i problemy` tolkovaniya i primeneniya sverximperativny`x i imperativny`x norm // LEX RUSSICA. 2018. № 4 (137). S. 81–97.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340.158

О СПЕЦИФИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

**Ганеш Ануш, к.ю.н., Эксетерский университет, Эксетер, Англия,
Великобритания, anushganesh.ex.uk@mail.ru**

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики социалистического правопонимания в рамках теории государства и права. Сначала автор уточняет содержание понятия «правопонимание», далее на этой основе рассматриваются некоторые наиболее важные аспекты социалистического правопонимания. Подчёркивается определяющая роль политико-правовой доктрины марксизма и его идеологов (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин) как основы социалистического правопонимания. В статье находит обоснование некоторый правовой нигилизм идеологов социализма, поскольку основой государственно-правовых изменений ими рассматривается революция, противопоставляемая эволюции. Вместе с тем нигилизм, нигилизм оценивается как ограниченный, так как важной основой социалистического понимания выступает социалистическая законность, идея которой развивается на протяжении всего советского периода. Подчеркивается изменчивость социалистического правопонимания на всем протяжении советского периода отечественной истории. Рассматриваются некоторые положения Конституции СССР 1936 г. в контексте формирования социалистического правопонимания и выделяются некоторые его особенности. В заключительной части статьи излагается вывод о кардинальном отличии социалистического понимания от современного капиталистического. Причём подчёркивается наличие как безусловных недостатков социалистического

правопонимания, так и преимуществ, что обосновывает уместность переосмысления и заимствования социалистического опыта.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правопонимание, социалистическая законность, социалистический правопорядок, революционное правосознание, социалистическое правопонимание, теория государства и права

Статья поступила в редакцию 04.04.2025, одобрена после рецензирования 29.04.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ON THE SPECIFICS OF SOCIALIST LEGAL UNDERSTANDING IN THE THEORY OF STATE AND LAW

Anush Ganesh, Candidate of Law, University of Exeter, Exeter, England, United Kingdom

Abstract

The article is devoted to the analysis of the specifics of socialist legal understanding within the framework of the theory of state and law. First, the author clarifies the content of the concept of "legal understanding", then, on this basis, some of the most important aspects of the socialist legal understanding are considered. The defining role of the political and legal doctrine of Marxism and its ideologists (K. Marx, F. Engels, V. I. Lenin) is emphasized as the basis of socialist legal understanding. The article finds a justification for some legal nihilism of the ideologists of socialism, since they consider revolution as the basis of state-legal changes, opposed to evolution. At the same time, nihilism, nihilism, is assessed as limited, since an important basis of socialist understanding is socialist legality, the idea of which has been developing throughout the Soviet period. The author emphasizes the variability of the socialist legal understanding throughout the Soviet period of national history. Some provisions of the Constitution of the USSR of 1936 are considered. In the context of the

formation of the socialist legal understanding, some of its features are highlighted. The final part of the article draws a conclusion about the cardinal difference between the socialist understanding and the modern capitalist one. Moreover, the presence of both the unconditional disadvantages of the socialist legal understanding and the advantages is emphasized, which justifies the relevance of rethinking and borrowing socialist experience.

Keywords: legal nihilism, legal understanding, socialist legality, socialist rule of law, revolutionary legal awareness, socialist legal understanding, theory of state and law

Введение

В теории государства и права тематика правопонимания занимает важное место. Обосновывается значимость такого явления тем, что оно характеризует многие аспекты состояния и развития как права, так и государства. Причем для современной государственно-правовой теории вопросы правопонимания в контексте социалистического правопорядка являются не менее актуальными, чем в контексте капиталистического правопорядка.

Для России вопросы социалистического правопонимания оказываются особо актуальными и в связи с тем, что именно эта страна стала одним из немногих мест, где социализм получил не только теоретико-правовое обоснование, но практическую реализацию: в период с 1917 по 1991 гг. Российское государство являлось социалистическим и де-юре, и де-факто.

В настоящее время социалистическое прошлое России остаётся предметом острых дискуссий, что в полной мере проявляется в неоднозначной оценке социалистического правопонимания. Поэтому данный феномен заслуживает особого внимания.

Основная часть

В первоочередном порядке представляется важным уточнить смысл понятия «правопонимание», поскольку от решения данной задачи зависят ответы на многие проблемные вопросы, поднимаемые в рамках настоящей

статьи. В этой связи отметим, что указанное понятие раскрывается лишь в научной литературе, законодатель же его ни коим образом не конкретизирует.

Как правило, сущность правопонимания рассматривается с позиции одного из двух подходов. В рамках сциентистского подхода правопонимание принято трактовать в качестве особого способа осуществления деятельности, нацеленной на познание общих закономерностей функционирования права. Философский подход к осмыслению правопонимания отличается тем, что характеризует его как поиск ответа на вопрос о том, «что есть право», а также предполагает акцентирование внимания на выявлении сущности права [6]. С учётом специфики каждого из подходов можно совершенно обоснованно заявить о важности каждого обоих, поскольку и первый, и второй позволяют выявить и изучить немаловажные аспекты правопонимания; оба подхода важны для осмысления не только теоретической, но и практической составляющей правопонимания.

Между тем, в науке нередко прослеживается стремление отойти от одного и другого подходов, или как-то их синтезировать. Так, А. И. Овчинников, предлагая абстрагироваться от конкретных парадигм правопонимания, трактует его как процесс осмысления социальных явлений, относимых к правовым, в результате чего формируется смысл права и теоретическое представление о нём. В этом контексте правопонимание означает и установление определённой цели права в единстве с целью государства, общества и личности [6]. То есть правопонимание можно рассматривать как некоторое отражение преобладающих взглядов на право в контексте его целей.

Ф. И. Тихоновский характеризует правопонимание как процесс познания, выражающий освоение закономерностей возникновения, развития, функционирования права и правовых явлений посредством различных методов (научных, аксиологических, телеологических) [8, с. 8].

Признавая обоснованность изложенных определений, важно также отметить возможность рассмотрения правопонимания как некоторого результата

осмысления права и в контексте его функций, и в контексте его целей, и в контексте его сущности. Поэтому термином «правопонимание» могут быть обозначены определенные сформировавшиеся взгляды на разные стороны правовой (государственно-правовой) реальности как в целом, так и относительно отдельных ее аспектов. И если говорить о социалистическом правопонимании, то оно отражает некоторую совокупность (систему) взглядов на право и государство (в контексте права), базирующуюся на оценке их целей, функций и иных аспектов с позиции социалистического учения.

Следует уточнить, что социалистическое учение базируется, прежде всего, на политико-правовой доктрине марксизма [5, с. 59]. Причем к этой доктрине можно отнести не только идеи К. Маркса, но также Ф. Энгельса, В. И. Ленина, многих других личностей. Но если К. Маркс и Ф. Энгельс были лишь теоретиками социализма, то В. И. Ленин практически сумел воплотить социалистические идеи в результате Революции 1917 г., которые развивались вплоть до 1991 г. Поэтому в изучении вопросов социалистического понимания не столько важно осмысление идей зарубежных теоретиков, сколько анализ воззрений отечественных авторов.

Основываясь, прежде всего, на взглядах В. И. Ленина, необходимо подчеркнуть его постоянное обращение к марксистской доктрине, на основе которой объяснялась суть государства в целом, и социалистического государства и права в частности. Причём подчёркивалось, что путь развития социалистического государства и права не эволюционный, а революционный, при непрерывности революции, так меняющей характер с буржуазно-демократической на социалистическую [4, с. 222]. В этом прослеживается определённое пренебрежение правом, если таковое рассматривается в рамках капиталистического государства.

То есть формировавшаяся в эпоху В. И. Ленина теория революции предполагала определённый нигилизм по отношению к праву, если таковое рассматривалось в контексте капиталистического государства. Иными словами,

правопонимание классиков социализма в определённой степени было нигилистическим. Однако нельзя сказать, что в целом социалистическому правопониманию присущ нигилизм, ведь практически на протяжении всего социалистического периода отечественной истории активно развивалась идея социалистической законности [3, с. 109; 8, с. 8–11], во многом основывавшаяся на господстве философии диалектического и исторического материализма, что подкреплялось, в том числе, средствами государственного принуждения [7].

Социалистическое правопонимание, формировавшееся и развивавшееся на протяжении всего советского периода, прошло несколько этапов, как и Советское государство:

1. Этап диктатуры пролетариата.
2. Этап собственно социалистического государства и права.
3. Этап развития общенародного государства [5, с. 80].

Здесь можно усмотреть определённую закономерность: если первый этап характеризовался акцентированием внимания на борьбе против буржуазных пережитков, пересмотре соответствующего порядка и первоочередной защите интересов пролетариата как класса, то в ходе последующих этапов приоритетная проблематика сместилась в направлении обеспечения социалистической законности в целом, поскольку СССР рассматривался уже как страна победившего социализма.

При более детальном изучении социалистического правопонимания в рамках отдельных более коротких этапов можно выделить и определённые, вполне конкретные особенности. Например, с 1917 по 1921 гг. происходили отмена норм буржуазного права и становление пролетарского права со свойственным ему правопониманием. С 1921 по 1931 гг. реализовывались задачи критики антимарксистских, а, значит, антиленинских установок. С 1931 по 1938 гг. велась работа по переосмыслению сформировавшейся к тому времени системы взглядов на право и укреплению в качестве обязательной марксистско-ленинско-сталинской «генеральной линии» [8, с. 8–11]. Последующие годы

советской истории тоже имели определённую специфику с точки зрения развития правопонимания, однако акцентироваться на этих нюансах не представляется целесообразным.

В качестве особой вехи важно выделить принятие Конституции СССР 1936 г. [1], именуемой «сталинской Конституцией», предопределившей конституционное развитие Советского Союза на 40 лет вперед и закрепившей важнейшие идеи, положенные в основу, в том числе, социалистического правопонимания. Само принятие указанной Конституции можно считать фактом признания сформированности определённых весьма прочных представлений о государстве и праве, формальное закрепление определённого социалистического правопонимания, которое было вполне рациональным, прагматичным.

Основываясь на нормах указанной Конституции СССР, можно выделить следующие особенности социалистического правопонимания:

1. Закрепленный социалистический характер права (и государства), ориентированный исключительно (по крайней мере, формально) на интересы рабочих и крестьян (ст. 1 Конституции СССР 1936 г.).

2. Четкое противопоставление социалистического правопонимания капиталистическому, буржуазному, базирующееся на принципе диктатуры пролетариата (ст. 2).

3. Признание права социалистической (коллективной) собственности на орудия и средства производства в качестве фундамента экономики, нивелирование права частной собственности и формальное отрицание эксплуатации человека человеком (ст.ст. 4–7).

4. Отрицание права частной собственности на землю.

5. Монополизация государством торговли, прежде всего, внешней (ст. 14).

Если абстрагироваться от конкретных норм рассматриваемой Конституции и оценивать её в качестве основы правопонимания в целом, то можно также отметить превалирование коллективных ценностей, отрицание равенства прав граждан вне зависимости от их классовой принадлежности,

нацеленность на недопущение появления определённых классов граждан (крупных собственников, землевладельцев, промышленников, предпринимателей).

Нельзя не подчеркнуть, что представления о социалистическом правопонимании в Советском Союзе развивались в контексте идей социалистической законности, которая рассматривалась как строгое исполнение законов и принятых в соответствии с ними подзаконных нормативных правовых актов. Причём вопросы наполненности правом таких актов было принято игнорировать, как полагает Е. А. Зорченко [3, с. 109]. Отсюда следует определённый формализм социалистического правопонимания.

Также Е. А. Зорченко на недостаточную ориентированность социалистической законности право и, соответственно, на человека [3, с. 109]. Это подтверждает высказанное нами выше мнение о превалировании коллективных ценностей над индивидуальными в рамках социалистического правопонимания.

Говоря о специфике социалистического правопонимания нельзя не отметить подчёркиваемое Е. А. Зорченко противопоставление социалистической законности и правовой законности [3, с. 109]. В этом смысле подлинной является именно правовая законность, а не социалистическая. Социалистическая же законность в контексте такого сравнения остаётся более далёкой от совершенства. Отсюда и недостатки социалистического правопонимания, с позиции которого право становится скорее не ценностью, а лишь инструментом обеспечения социалистического порядка.

Следует признать, что на протяжении всего советского периода отечественной истории правопонимание развивалось на базе нормативистской (легистской) концепции, где за основу бралось революционное правосознание как некий переходный тип от буржуазного к советскому [2, с. 68]. И хотя этот переход состоялся в первые же годы советской власти, значимые элементы революционного правосознания сохранялись и далее, подтверждением чего

являлось неуклонное противопоставление социалистического начала права капиталистическому, буржуазному.

С точки зрения современного правопонимания социалистическая концепция носит весьма спорный характер, хотя и базируется на позитивно оцениваемых в современном праве идеях коллективизма, социальной справедливости, народовластия, гуманизма, демократии [5, с. 84]. Она не в полной мере отвечает современным представлениям о праве в его подлинном назначении, ведь оно ориентировано на личность в первую очередь, в то время, как право в социалистическом понимании ориентировано больше на общество и коллективные образования, а также на сохранение определенного политико-экономического уклада.

Заключение

Рассмотрев социалистическое правопонимание, можно сделать вывод о его особой ценности для правового развития России. Несмотря на то, что социалистическое правопонимание остаётся далёким от культивируемых в современном праве свобод и ценностей капиталистического, буржуазного характера, многие его элементы достойны переосмысления и заимствования.

Безусловными недостатками социалистического правопонимания с позиции современных представлений о праве является недооценка роли личности как субъекта, в интересах которого право создаётся, нивелирование роли частной собственности, в особенности на землю, неспособность или нежелание сторонников социалистических идей адаптировать марсовско-ленинскую теорию к современным реалиям. Но признавая негативные стороны социалистического правопонимания, следует отметить и наличие некоторых аспектов, которые можно оценить положительно. Социалистический взгляд на право исключает абсолютизацию роли личности и, соответственно, развитие права в ущерб общим коллективным интересам; также особую роль уделяет аспекту социальной справедливости, что крайне важно в непростых социально-экономических условиях.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283 (документ утратил силу).
2. Гусарова М. А. Эволюция концепций правосознания в советской правовой науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 67-71.
3. Зорченко Е. А. От «социалистической» законности к законности правовой – современная тенденция развития института законности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2016. № 9-2. С. 108–113.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 11. Июль ~ октябрь 1905 / Ред. В. Я. Зевин. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1960. 589 с.
5. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. 254 с.
6. Овчинников А. И. Правопонимание и его классификация: основные подходы // Юрист-Правоведъ. 2015. № 1(68). С. 5–9.
7. Пржиленский В. И. Трансформация основ правопонимания в российской юриспруденции во второй половине XX и начале XXI в. // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 1(146). С. 20–28.
8. Тихоновский Ф. И. Понимание права в советской юридической науке (1917 – 1938 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2009. 24 с.

References

1. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (utv. Postanovleniem Chrezvy`chajnogo VIII S``ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) // Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1936. № 283 (dokument utratil silu).

2. Gusarova M. A. E`volyuciya koncepcij pravosoznaniya v sovetskoj pravovoj nauke // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 11 (61): v 3-x ch. Ch. II. С. 67-71.
3. Zorchenko E. A. Ot «socialisticheskoy» zakonnosti k zakonnosti pravovoj – covremennaya tendenciya razvitiya instituta zakonnosti // Problemy` ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. 2016. № 9-2. S. 108–113.
4. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 11. Iyul` ~ oktyabr` 1905 / Red. V. Ya. Zevin. Izd. 5-e. M.: Politizdat, 1960. 589 s.
5. Madaev E. O. Doktrina v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2012. 254 s.
6. Ovchinnikov A. I. Pravoponimanie i ego klassifikaciya: osnovny`e podxody` // Yurist``-Pravoved``. 2015. № 1(68). S. 5–9.
7. Przhilenskij V. I. Transformaciya osnov pravoponimaniya v rossijskoj yurisprudencii vo vtoroj polovine XX i nachale XXI v. // Lex Russica (Russkij zakon). 2019. № 1(146). S. 20–28.
8. Tixonovskij F. I. Ponimanie prava v sovetskoj yuridicheskoy nauke (1917 – 1938 gg.): avtoref. dis. ... kand. yurid nauk. M., 2009. 24 s.

Научная статья

УДК 34.03

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ОТКАЗА ОТ ПРИНЦИПА ВИНЫ В РАМКАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

**Аткинсон Джо, к.ю.н., Саутгемптонский университет, Саутгемптон,
Великобритания, joeatkinslaw@mail.ru**

Аннотация

В статье раскрыта сущность принципа вины с позиции доктрины юридической ответственности, действующего российского законодательства и практики Конституционного Суда РФ. Подчёркнуто конституционное значение указанного принципа применительно к уголовной ответственности и конкретизирована специфика различных форм вины на примере уголовного законодательства. Также отражена значимость вины применительно к административной и дисциплинарной ответственности. Обращено особое внимание на отказ от принципа вины как обязательного условия ответственности применительно к гражданскому праву. Изучены некоторые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу вины и возможности отказа от неё как от обязательного условия привлечения к ответственности. Рассмотрены некоторые точки зрения, представленные в научной литературе относительно оценки роли вины как условия ответственности. Сформулирована авторская позиция, исходя из которой отказ от обозначенного принципа допустим лишь в исключительных случаях, причем не предполагающих лишения нарушителя базовых конституционных прав, прежде всего, свободы. Обоснована необходимость пересмотра роли принципа вины в отрасли гражданского права применительно к тем случаям, когда гражданско-правовая ответственность увязывается с фактом совершения уголовно наказуемого деяния.

Ключевые слова: административная ответственность, гражданско-правовая ответственность, дисциплинарная ответственность, отказ от принципа

ответственности, принцип вины, уголовная ответственность, юридическая ответственность

Статья поступила в редакцию 26.04.2025, одобрена после рецензирования 22.05.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ON THE QUESTION OF THE PERMISSIBILITY OF ABANDONING THE PRINCIPLE OF GUILT IN THE FRAMEWORK OF THE REGULATION OF LEGAL LIABILITY

Joe Atkinson, Candidate of Law, University of Southampton, Southampton, United Kingdom

Abstract

The article reveals the essence of the principle of guilt from the standpoint of the doctrine of legal responsibility, current Russian legislation and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. The constitutional importance of this principle in relation to criminal liability is emphasized and the specifics of various forms of guilt are specified using the example of criminal legislation. The importance of guilt in relation to administrative and disciplinary responsibility is also reflected. Special attention is paid to the rejection of the principle of guilt as a prerequisite for liability in relation to civil law. Some positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of guilt and the possibility of renouncing it as a prerequisite for bringing to justice have been studied. Some points of view presented in the scientific literature regarding the assessment of the role of guilt as a condition of responsibility are considered. The author's position is formulated, based on which the rejection of the indicated principle is permissible only in exceptional cases, and not involving the deprivation of the violator of basic constitutional rights, primarily freedom. The necessity of reviewing the role of the principle of guilt in the field of civil

law in relation to cases where civil liability is linked to the fact of committing a criminally punishable act is substantiated.

Keywords: administrative responsibility, civil liability, disciplinary liability, waiver of the principle of responsibility, principle of guilt, criminal liability, legal liability

Введение

Представление о вине как обязательном условии привлечения к юридической ответственности или обязательном признаке правонарушения довольно прочно укоренились в современной юридической науке и законодательстве. Причём это свойственно не только России, но и современному миру в целом. Появление же этих представлений исторически связано с развитием философско-правовых идей древности, которые со временем почтили не только нормативное закрепление, но и системное научное обоснование. При этом применительно к России такое обоснование принято связывать с именем Г.Ф. Шершеневича [9, с. 14-15], совершенно справедливо признаваемого классиком отечественной юриспруденции. Тем не менее, отношение к вине в современном законодательстве, как и в правовой науке, характеризуется некоторой неоднозначностью.

Основная часть

Принцип вины выступает неотъемлемой составляющей дискурса, возникающего по поводу юридической ответственности, что представляется вполне обоснованным, поскольку вина, в каком бы контексте она ни рассматривалась, является непосредственным отражением причастности конкретного индивида к конкретному деянию, квалифицируемому в качестве правонарушения.

В основе принципа вины лежит понимание человека как субъекта, способного контролировать свои действия (бездействие) в интеллектуальном, эмоциональном и волевом аспектах, которые и являются своеобразными составляющими вины. При этом наличие вины продиктовано наличием у индивида определённой цели и мотива при осуществлении того или

иного деяния, которые и опосредуют его деятельность (бездеятельность). Более того, не вызывает сомнений наличие у лица альтернатив иного поведения, но выбор им осуществляется именно в пользу противоправного деяния [9, с. 23]. То есть рассмотрение принципа вины в числе неотъемлемых условий юридической ответственности продиктовано не сугубо формальными соображениями или традицией, а базируется на вполне конкретных научных и вполне логичных постулатах.

Однако формальный аспект даже в рамках исключительно теоретического анализа не может быть проигнорирован, и в этой связи следует обратиться к Основному Закону страны, коим выступает Конституция РФ [1]. Так, ч. 1 ст. 49 нормативно закрепляет принцип презумпции невиновности применительно к уголовно наказуемым деяниям; ч. 2 данной нормы уточняет, что обвиняемый свою невиновность доказывать не обязан, что логично. Одновременно с этим, Конституция РФ не содержит каких-либо норм, касающихся принципа вины применительно к иным отраслям законодательства, предусматривающим те или иные виды юридической ответственности, что позволяет полагать необязательность указанного принципа для иных отраслей законодательства.

Для большей детализации проблематики следует обратиться к нормам соответствующих кодексов, регламентирующих условия уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной ответственности.

Уголовный кодекс РФ [3] (далее – УК РФ) возводит принцип вины (презумпции невиновности) в ранг одного из базовых постулатов, не подвергаемых сомнению, что становится очевидным, в частности, при анализе ст. 5 и 24. При этом у УК РФ имеет место относительно четкое разграничение вины по формам на умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность), что влияет на регламентацию конкретных составов преступлений, а также на решение вопроса квалификации тех или иных деяний.

Сама вина, исходя из ст. 24–26 УК РФ, во всех без исключения случаях выражается осознании лицом общественной опасности своего деяния. Что же касается предвидения возможности или неизбежность наступления опасных последствий, а также желания их наступления, то эти составляющие вины характерны не всем ее формам.

Важно подчеркнуть, что ст. 28 УК РФ исключает привлечение к уголовной ответственности в том случае, если вред охраняемым уголовным законом правам и интересам причинён невиновно. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие осознания общественной опасности деяния, отсутствие потенциальной возможности осознания опасности, также непредвидение опасных последствий и принципиальная невозможности предвидения, исходя их обстоятельств дела. И в целом подход законодателя, отражённый в УК РФ, представляется логичным.

В рамках регламентации условий привлечения к административной ответственности прослеживается аналогичный подход, поскольку в ст. 1.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях [4] (далее – КоАП РФ) прямо фиксируется принцип презумпции невиновности. В то же время, ч. 3 данной статьи предусматривает возможность исключений из данного правила, когда субъект может не освобожден от доказывания своей невиновности, а примечание к рассматриваемой статье содержит достаточно широкий перечень таких исключений. Тем не менее, даже наличие обязанности доказать свою невиновность по весьма ограниченному кругу правонарушений свидетельствует о сохранении принципа вины в качестве неотъемлемого условия реализации административной ответственности, поскольку доказанная невиновность исключает возможность привлечения к административной ответственности.

Здесь следует обратить внимание на схожесть трактовок преступления в УК РФ и административного правонарушения в КоАП РФ: и в первом, и во втором случаях подчёркивается виновный характер деяния.

Применительно к дисциплинарному проступку отечественный законодатель в ст. 192 Трудового кодекса РФ [5] использует тот же подход, подчёркивая обязательность вины в числе признаков такого правонарушения.

В части регулирования гражданско-правовой ответственности подход законодателя принципиально отличается, поскольку допускается привлечение к ответственности и в отсутствии вины, о чем свидетельствует, например, п. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса РФ (часть вторая) [2] (далее – ГК РФ), возлагающий на владельца источника повышенной опасности обязанности возместить вред, если он не сможет доказать, что такой вред есть следствие воздействия непреодолимой силы или умышленного деяния самого потерпевшего.

Однако, в литературе вина часто рассматривается как обязательный признак субъективной стороны правонарушения, как обязательное условие привлечения к юридической ответственности [9, с. 24–25]. Ориентируясь же на нормы ГК РФ, такой подход уместно поставить под сомнение. Если в теории юридической ответственности вина есть неотъемлемое условие такой ответственности, то в нормах действующего законодательства имеет место отступление от принципа вины как обязательного компонента ответственности. То есть в целом законодатель стремится придерживаться данного принципа, но не абсолютизирует его.

Возможности отказа от принципа вины рассматривались неоднократно Конституционным Судом РФ, и в этой связи его позиции представляют немалый интерес как с точки зрения осмысления законодательного регулирования, так и с точки зрения понимания современной доктрины юридической ответственности.

Так, в 2017 г., давая оценку норм ГК РФ с позиции их конституционности, указанный Суд подчеркнул допустимость изъятия из общего принципа вины, указав при этом на необходимость соблюдения особой осторожности и осмотрительности ввиду многократного увеличения риска причинения вреда источником повышенной опасности [6].

В 2021 г. в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ охарактеризовал наличие вины в качестве общепризнанного принципа привлечения к ответственности, причём применительно ко всем отраслям права. В то же время Суд признал допустимым исключение из данного принципа, которое, по его мнению, должно быть всегда прямым, недвусмысленным и предусмотренным законом [7]. Примечательно, что возможность отступления от указанного принципа Суд в данном случае не обосновывал целесообразностью, повышенным риском, особой опасностью и прочими подобными аргументами.

В 2023 г. Конституционный Суд РФ, раскрывая суть вины в конституционном аспекте, подчеркнул её универсальность применительно ко всем видам юридической ответственности и всем субъектам права, в том числе и организациям [8].

То есть и в законодательстве, и в судебной практике отношение к вине, как условию привлечения к юридической ответственности, остаётся не вполне однозначным. При этом анализ литературы отражает не вполне определенную концептуальную оценку вины в качестве условия юридической ответственности. Например, есть мнение о трансформации вины из категории обстоятельств, которые подлежат доказыванию, в категорию презумпций [10, с. 92], что в целом находит своё подтверждение в нормах действующего законодательства, поскольку в одних случаях презюмируется отсутствие вины, в других же – её наличие.

Поэтому совершенно логичным является мнение о наличии не соответствующих друг с другу концепций понимания вины, применяемых в разных отраслях права [10, с. 94].

Указанные противоречия наиболее очевидны при теоретическом осмыслении юридической ответственности в целом. Однако ограничить их исключительно теоретической проблематикой невозможно, поскольку они в определённой степени присущи и практике правоприменения, где не исключена возможность оправдания лица в рамках производства по уголовному делу и

привлечение его к ответственности за последствия того же деяния в рамках гражданского дела.

Конечно, логичность подобных ситуаций вызывает сомнение, на что указывается и в литературе [11, с. 112]. Тем не менее, правовые реалии складываются именно таким образом. Причина же таких различий вполне ясна и кроется именно в неодинаковом рассмотрении принципа вины как условия ответственности. Если отсутствие вины в рамках уголовного дела влечёт оправдание лица, то в рамках гражданского дела отсутствие вины не гарантирует освобождения от обязанности возмещения вреда.

А. М. Хужин причину указанных противоречий усматривает в использовании принципиально разных теорий вины в рамках публичного и частного права. Если в отраслях публичного права (например, уголовное право) за основу берётся психологический теория вины, то в отраслях частного права (например, гражданское право) в качестве ориентира избрана поведенческая теория [12, с. 252–253].

Необходимо уточнить, что в психологической теории основной акцент делается на осознании характера своего деяния и желании тех или иных последствий, то есть оценивается именно субъективный аспект; в рамках же поведенческой теории внимание акцентируется на объективном аспекте, выражающемся в конкретном поведении, где не столь важно само осознание последствий и их желание их наступления, сколько конкретные действия (бездействие), влекущие тот или иной результат негативного характера.

Ссылки на постулаты психологической или поведенческой теорий, также на публичный или частный характер правоотношений в рамках той или иной отрасли [12, с. 253] дают основания их представителям для признания вины обязательным или необязательным условием привлечения к ответственности.

Было бы логично задаться вопросом о причинах, опосредующих выбор в пользу той или иной теории. Однако очевидно, что они достаточно

многочисленны и в значительной степени связаны со сложившимися традициями, моральными принципами, в том числе справедливостью.

Можно полагать, что присутствуют и какие-то особенности понимания справедливости относительно применения мер санкционного воздействия разной правовой природы. Например, лишать свободы в рамках уголовной ответственности в отсутствии вины крайне несправедливо, в то время как взыскание денежной суммы признается вполне уместным и в отсутствии вины, поскольку не сопряжено с ограничением (лишением) такой особо значимой ценности, как свобода.

Заключение

Несмотря на признание принципа вины универсальным, отношение к нему неоднозначно и различается в зависимости от конкретной отрасли права. Причем в рамках каждой из отраслей, как и в целом в юриспруденции, имеет место вполне конкретное доктринальное обоснование возможности, так и невозможности отказ от данного принципа. Мотивы же, исходя из которых избирается определённый подход, не вполне ясны.

Думается, что отказ от принципа вины как обязательного условия реализации юридической ответственности уместен в ограниченном перечне случаев, причём таких, в которых не предполагается лишение лица наиболее значимых конституционных прав и свобод, и, прежде всего, личной свободы.

Пересмотра требуют взгляды на роль вины применительно к тем случаям гражданско-правовой ответственности, которые опосредованы ответственностью уголовной: в этой связи признание отсутствия вины лица с позиции уголовного права должно распространяться и на оценку его деяния с позиций гражданского права; то есть оправданное в совершении преступления лицо не должно привлекаться за соответствующее деяние к гражданско-правовой ответственности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № I. (ч. I). Ст. 3.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213932/#dst100065 (дата обращения: 22.04.2025).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2021 № 39-П // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391369/#dst100064 (дата обращения: 22.04.2025).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2023 № 11-П // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443006/#dst100054 (дата обращения: 22.04.2025).
9. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 11–27.

10. Арямов А. А., Руева Е. О. Метаморфозы вины (постановка проблемы) // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 89–96.
11. Омариева А. Н. Некоторые особенности реализации презумпции невиновности: отраслевой анализ // Вестник РПА. 2021. № 4. С. 109–116.
12. Хужин А. М. Правовые пределы невиновного деяния в аспекте сущностного понимания содержания вины в публичном и частном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 250–253.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 13.12.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 5. St. 410.
3. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.
5. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № I. (ch. I). St. 3.
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10.03.2017 № 6-P // SPS «Konsul`tantPlyus». — Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213932/#dst100065 (data obrashheniya: 22.04.2025).
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.07.2021 № 39-P // SPS «Konsul`tantPlyus». — Rezhim dostupa:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391369/#dst100064 (data obrashheniya: 22.04.2025).

8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.03.2023 № 11-P // SPS «Konsul'tantPlyus». — Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443006/#dst100054 (data obrashheniya: 22.04.2025).

9. Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Teoretiko-metodologicheskie i otraslevy'e aspekty` ponimaniya viny` kak pravovoj kategorii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 1 (108). S. 11–27.

10. Aryamov A. A., Rueva E. O. Metamorfozy` viny` (postanovka problemy`) // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2022. № 2 (58). S. 89–96.

11. Omarieva A. N. Nekotory`e osobennosti realizacii prezumpcii nevinovnosti: otraslevoj analiz // Vestnik RPA. 2021. № 4. S. 109–116.

12. Xuzhin A. M. Pravovy`e predely` nevinovnogo deyaniya v aspekte sushhnostnogo ponimaniya soderzhaniya viny` v publicnom i chastnom prave // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2010. № 2 (13). S. 250–253.

Научная статья

УДК 342.722

О ПРОТИВОРЕЧИИ ИДЕИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА ОБЩЕПРАВОВОМУ ПРИНЦИПУ РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ

**Ярмоц Елена, к.ю.н., доц., Полоцкий государственный университет имени
Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь, yarmotse.len@gmail.com**

Аннотация

В статье сосредоточено внимание на противоречиях, которые присущи системе социального рейтинга (социального кредита). В качестве некоторого образца автором берётся действующая в КНР система, хотя отмечается, что, будучи внедрённой в любой другой стране, такая система может кардинально отличаться. Автор признает наличие множества преимуществ данной системы как социального и правового регулятора общественных отношений. Одновременно с этим указывается на множественные недостатки и риски, причём не в контексте рейтинговой системы КНР, а в целом. В теоретическом аспекте обосновывается высокий уровень рисков для сохранения являющихся традиционными прав и свобод человека и гражданина, в особенности принципа равенства всех перед законом и судом. Отмечается, что такая система может не только поставить под угрозу сам принцип равенства, но и существенно усилить дисбаланс в этом аспекте. В соответствии с этим взглядом делается вывод о нецелесообразности повсеместного внедрения такой системы. Вместе с тем признаётся необходимость её дальнейшего научно-теоретического изучения и исследования хотя бы потому, что такая система нашла практическое применение в одной из крупнейших стран мира.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система социального кредита, система социального рейтинга, права человека, принцип равенства, социальный контроль, частная жизнь

Статья поступила в редакцию 18.05.2025, одобрена после рецензирования 16.06.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ON THE SPECIFICS OF SOCIALIST LEGAL UNDERSTANDING IN THE THEORY OF STATE AND LAW

Elena Yarmots, Candidate of Law, Associate Professor, Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Novopolotsk, Belarus

Abstract

The article focuses on the contradictions inherent in the social rating system (social credit). The author uses the current system in China as a sample, although it is noted that, being implemented in any other country, such a system may be radically different. The author recognizes the many advantages of this system as a social and legal regulator of public relations. At the same time, multiple disadvantages and risks are pointed out, not in the context of the rating system of the PRC, but in general. Theoretically, the author substantiates the high level of risks for the preservation of traditional human and civil rights and freedoms, especially the principle of equality of all before the law and the courts. It is noted that such a system can not only jeopardize the very principle of equality, but also significantly increase the imbalance in this aspect. In accordance with this view, it is concluded that the widespread implementation of such a system is impractical. At the same time, the need for further scientific and theoretical study and research is recognized, if only because such a system has found practical application in one of the largest countries in the world.

Keywords: artificial intelligence, social credit system, social rating system, human rights, principle of equality, social control, private life

Введение

Современное общество в целом достигло достаточно высокого уровня в плане правового прогресса, неотъемлемой составляющей которого стало

всеобщее признание такого универсального принципа регулирования общественных правоотношений, как равенство всех. В этом контексте прежде всего подразумевается именно равенство граждан перед законом и судом, непредвзятость оценки их поведения как в целом, так и в конкретных юридически значимых ситуациях, в частности, в ситуациях совершения правонарушений, в ситуациях реализации ими их прав и исполнения обязанностей.

Наличие исключений в виде предоставления юридического иммунитета некоторым категориям лиц, хотя и заставляет усомниться в абсолютном характере рассматриваемого принципа, тем не менее, не означает отказ от него. Однако некоторые тенденции развития общества и практики решения правовых проблем дают повод говорить об угрозе сохранению указанного принципа равенства в перспективе. Одна из таких тенденций связана с внедрением так называемой системы социального рейтинга (скобочках социального кредита).

Основная часть

Рассматриваемая система есть средство осуществления социального государственного контроля за деятельностью граждан и организаций, в рамках которого их поведение оценивается на базе определённых критериев, формирующих рейтинговый балл, причём с использованием средств цифровой обработки данных, с учетом которого решаются вопросы, касающихся привлечения к ответственности, поощрения, поддержки, предоставления государственных и или иных услуг [1, с. 27].

Небезосновательно принято считать, что первым государством, разработавшим рейтинговую систему и приступившим к её внедрению наиболее последовательно, стала Китайская Народная Республика (КНР), в связи с чем при анализе преимуществ и недостатков системы социального рейтинга в теоретическом контексте (без привязки к конкретному государству), в том числе с точки сохранения общепризнанных принципов и норм права, также прав и свобод человека и гражданина, принято брать за образец именно КНР. Поэтому учёные часто экстраполируют те характеристики социального рейтинга, которые присущи китайской системе, на другие страны, где подобного рода система не внедрена, но потенциально внедрен может быть, в том числе и на Россию. Однако следует сделать важную оговорку: каждое государство обладает своей спецификой в плане национально-культурных традиций, исторического наследия, особенностей правового развития. А это значит, что и внедрение

подобного рода системы в любой из стран, в том числе в России, вряд ли будет в полной мере аналогичным китайскому опыту. Соответственно, не случайно отдельные авторы [5, с. 74] усматривают существенную ограниченность потенциально возможной российской системы социального рейтинга в сравнении с китайской.

Поэтому рассматривать китайскую систему рейтинга как некий образец или идеал теоретической модели рейтинговой системы уместно лишь условно, ведь китайский образец системы – только один из многих потенциально возможных вариантов.

Изложенное означает, что внедрение подобного рода системы в любой другой стране не обязательно затронет практику соблюдения принципа равенства именно так, как это имеет место в КНР. И тут стоит напомнить о наличии юридических иммунитетов в законодательстве практически любой страны. Однако они рассматриваются как исключения из принципа равенства, необходимые для обеспечения гарантий защиты иных социально значимых ценностей. Причём подобный подход к рассмотрению иммунитетов можно считать уже относительно устойчивой традицией, если учесть, что в России он получил активное развитие уже в начале XX в., когда идеи парламентаризма только набирали обороты [6, с. 113]. Тем не менее, практика внедрения иммунитетов не создала явных угроз для воплощения в жизнь принципа равенства, ведь иммунитеты стали всего лишь некоторым исключением из общего правила. Поэтому вполне возможно, что и система социального рейтинга, будь она внедрена в России, не станет ощутимой угрозой для принципа равенства, хотя это является лишь предположением.

Но поскольку КНР остаётся единственным государством, где система социального рейтинга получила наибольшее развитие, то даже для теоретического осмысления невозможно игнорировать китайский опыт. Здесь важно подчеркнуть, что в целом суть данной системы именно в КНР состоит в начислении баллов за социально одобряемые действия и вычитании – за социально неодобряемые деяния, исходя из чего все население дифференцируется на определённые категории – от благонадёжных до преступников [1, с. 27]. И в некотором смысле такой рейтинг наглядно иллюстрирует состояние общества с точки зрения его сознательности и соблюдения порядка.

Положительные характеристики рассматриваемой системы сложно отрицать, ведь она даёт возможность государству получать информацию о деятельности каждого члена общества, каждой организации, что способствует повышению социальной ответственности каждого субъекта. А это, в свою очередь, должно способствовать развитию экономики и повышению уровня жизни населения в целом. Более того, в определённой степени такая система может стать фактором сокращения неравенства, ведь в её условиях поощряется поддержка малообеспеченных или иных нуждающихся представителей общества наиболее обеспеченными представителями общества [1, с. 27-28].

Безусловно, представленные положительные характеристики не отражают всей специфики такой системы, особенно с учётом наличия множества негативных аспектов, среди которых, зачастую, выделяется пренебрежение правами человека и его свободой ввиду постоянного усиленного наблюдения за каждым из граждан. И хотя изначально такая система была ориентирована на то, чтобы сделать отношения в обществе более доверительными, де-факто она, напротив, стала расцениваться как фактор, способствующий снижению доверия. Кроме того, среди явных негативных характеристик рассматриваемой системы выделяется возможность излишней формализации социально одобряемых поступков, ведь, по сути, гражданин начинает совершать такие поступки, руководствуясь не сугубо своей совестью, личными убеждениями, чувством долга, прочими субъективными моральными ценностями, а лишь теми предписаниями, которые содержит закон [1, с. 28].

Для иллюстрации проблемы уместно привести в пример начисление баллов рейтинга за поддержку гражданином его престарелых родителей, а также снижение рейтинга за отсутствие или нерегулярность такой поддержки [1, с. 28]. И если в отсутствии рейтинга такая поддержка может расцениваться как акт бескорыстного поведения, то в условиях рейтинговой системы такая поддержка, по сути, уже не является бескорыстной, что в определённой степени обесценивает её моральную значимость. Происходит формализация внутрисемейных отношений, что не есть хорошо, но опять же с точки зрения морали, а не прав. В правовом же смысле здесь видятся в основном положительные нюансы, но лишь на первый взгляд.

Именно в таких условиях возникают и угрозы нивелирования общеправового принципа равенства, ведь, гражданин, являющийся, например, малообеспеченным, вряд ли способен систематически оказывать весомую

поддержку своим родителям, так как он сам нуждается в поддержке, в то время как состоятельный гражданин такие возможности имеет в избытке. И формально складываются условия для большей поддержки не малообеспеченного гражданина, который в ней нуждается, а для поддержки состоятельного гражданина, который в такой поддержке, возможно, и не нуждается. То есть здесь, помимо нарушения некоторого принципа равенства, складываются и условия для фактического усиления дисбаланса в плане решения проблем материального характера.

С другой стороны, в рассматриваемой системе присутствует определённая логика, которую сложно оспорить. Так за совершение правонарушений рейтинговый балл гражданина закономерно снижается. В случае же совершения преступлений и применения наиболее суровых уголовных санкций субъект оказывается в такой ситуации, когда войти в высшую категорию становится крайне затруднительным, что тоже не способствует соблюдению принципа равенства [1, с. 28].

Однако, и в большинстве других стран, в том числе России, подобный подход отчасти находит применение, только вопрос решается не путём вычитания баллов и установления определённых требований для получения для получения тех или иных благ, а об установлении конкретных запретов, в частности, запрета поступления на государственную службу.

Далее в таблице раскрыт подход к категоризации населения в КНР, исходя из рейтингового балла.

Таблица – Категории социального рейтинга и их особенности [1, с. 29]

Категория	Кол-во баллов, необходимых для получения категории	Пояснение
AAA	1 050 и более баллов	Скидки при совершении крупных покупок, преимущество при повышении по службе и трудоустройстве на престижные должности.
AA	1 000–1 049 баллов	Отсутствие привилегий или наказаний; категорию имеют подавляющее большинство граждан КНР.
A	950–999 баллов	Сложности с трудоустройством в государственные структуры на управленческие должности.
B	900–949 баллов	Сложности с трудоустройством в государственные структуры.

C	800–899 баллов	Кредитные ограничения, запрет на управленческую, педагогическую и медицинскую деятельность.
D	650 баллов и ниже	Отказ в выдаче кредитов, сложности с трудоустройством на любую работу, кроме низкоквалифицированной.

Подобного рода ограничения применяются и в Российской Федерации, но не на основе какого-либо рейтинга, а исходя из конкретных юридически значимых фактов, в частности, совершения административных правонарушений, преступлений, фактов банкротства и пр.

Казалось бы, что каких-либо рисков рассматриваемая система не несёт, ведь имеющиеся в ее рамках ограничения не чужды и тем государствам, в которых подобная система отсутствует. Однако важно обратить внимание на такой нюанс, как возможность учёта рейтингового балла при решении вопроса о поощрении и наказании гражданина в каждой конкретной юридически значимой ситуации [2, с. 240]. Это опять же ставит под сомнение общеправовой принцип равенства. В другой стороны, и в отсутствии такой системы некоторые отступления от принципа равенства все же имеются; например, назначение меньшего срока уголовного наказания в случае, если у гражданина имеются дети. Но такого рода случаи являются скорее исключением, нежели правилом; в условиях же рейтинговой системы исключения фактически переходит в разряд правил, и именно по формальным, а не фактическим соображениям.

Обращает на себя внимание возможность введения ограничений (при низком рейтинге) на пользование транспортом, как личным, так и общественным, на устройство детей гражданина в престижные учебные заведения, и пользование интернет-ресурсами. То есть доступ даже к обычным социальным благам, привычным для всех, в условиях рейтинговой системы может стать привилегией отдельных категорий лиц [2, с. 241]. Конечно же, это не может способствовать культивированию принципа равенства.

Также нельзя исключить и риск клеветы, кибер-атак, разного рода ошибок, причём как ввиду «человеческого фактора», так и ввиду сбоя в автоматизированных системах [2, с. 241], функционирующих, в том числе, и на основе искусственного интеллекта.

Поводом для критики рассматриваемой системы является и возможность включения в алгоритмы оценки поведения граждан субъективного компонента. Более того, в условиях функционирования такой системы не исключается преследование по признаку принадлежности к инакомыслящим, также в целях

мести, буллинга и пр., что фактически может привести к прямо противоположным эффектам [3, с. 61].

Вряд ли можно в полной мере исключить и фактор коррупции при принятии юридических решений, а это значит, что и вмешательство в работу системы социального рейтинга гипотетически возможно под влиянием фактора коррупции [3, с. 61].

Нельзя не сказать о неоднозначной научной оценке отдельных нюансов, связанных с функционированием рассматриваемой системы. Например, А.Н. Мяханова и Т.И. Эрхитуева отмечают, что граждане, имеющие активную гражданскую позицию, поддерживаются в условиях системы социального рейтинга, как и граждане, занимающиеся общественной деятельностью [4, с. 40]. Однако не уточняется, что эта активная гражданская позиция, как и общественная деятельность, должны находиться в определённом векторе, законодательно и практически поддерживаемом государством, ведь проявление активной гражданской позиции и занятие общественной деятельностью в векторе, который на практике государством не поддерживается, даже если признается и законодательно (например, правозащитная деятельность), не всегда сможет стать фактором, позволяющим гражданину получить положительную оценку своей деятельности в виде повышения рейтинга.

Нельзя исключить и потенциальную возможность использования системы социального рейтинга в целях политического преследования и ограничений свободы личности, что может быть усугублено недостаточной прозрачностью такой системы, усилениями риска социального неравенства и злоупотреблениями, в том числе сопряжённым с нарушением приватности, выражающемся в сборе всей возможной информации о частной жизни граждан, даже формально охраняемой на конституционном уровне [7, с. 163].

Заключение

Система социального рейтинга крайне противоречива. С одной стороны, невозможно отрицать её преимущества как своеобразного социального и правового регулятора. Однако преимущества данной системы могут быть нивелированы негативными эффектами её функционирования, а именно излишним вмешательством государства в частную жизнь, тотальным контролем, рисками ограничения доступа даже к элементарным благам, в том транспорте Интернету, образованию и пр. Более того, в условиях функционирования такой системы, даже и построенной на максимально объективных принципах, не

исключены различные злоупотребления, в том числе продиктованные политическими мотивами или коррупцией.

Отсюда вывод о нецелесообразности повсеместного внедрения такой системы, исходя из высокого уровня рисков именно для основополагающих конституционных принципов, имеющих международно-правовое значение, в особенности принципа равенства.

В отдалённом будущем возможно, что взгляд на такую систему может быть пересмотрен. Тем не менее, идеи, касающиеся данной системы, нуждаются в основательном осмыслении, хотя бы исходя из того, что в мире уже имеется страна, где такая система действует весьма масштабно и во многом эффективно.

Список литературы

1. Го Хань. Социальный рейтинг как система контроля общественной деятельности граждан в современном государстве: преимущества и противоречия // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 3. С. 26–31.
2. Кораблев А.Ю., Афиногенова А.С. Система социального рейтинг в России // Научно-исследовательские решения современной России в условиях кризиса : Мат-лы XXVI Всерос. науч.-практ. конф. В 2-х ч. (г. Ростов-на-Дону, 28 декабря 2020 г.). Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2020. С. 239–243.
3. Косоруков А.А. Технологии «умного наблюдения» и социального рейтинга в сфере государственного управления // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 56–64.
4. Мяханова А.Н., Эрхитуева Т.И. Формирование социального рейтинга: китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2024. Вып. 3. С. 38–43.
5. Овчинников А.И., Конопий А.С. Правовое стимулирование общественного развития и активности правосознания с помощью социального рейтинга в Китае // Труды ИГиП РАН. 2023. Том 18, № 3. С. 57–79.

6. Потапов Д.Ю. Правовой иммунитет и соблюдение принципа равенства перед законом: проблемы юридической доктрины // Право и управление. XXI век. 2013. № 3(28). С. 112–116.
7. Тагаров Б.Ж., Салахи Д.Э. Социальный рейтинг как инструмент государственного регулирования // Global & Regional Research. 2024. Т. 6, № 2. С. 159–164.

References

1. Go Xan`. Social`ny`j rejting kak sistema kontrolya obshhestvennoj deyatel`nosti grazhdan v sovremennom gosudarstve: preimushhestva i protivorechiya // Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika. 2025. № 3. S. 26–31.
2. Korablev A.Yu., Afinogenova A.S. Sistema social`nogo rejting v Rossii // Nauchno-issledovatel`skie resheniya sovremennoj Rossii v usloviyax krizisa : Mat-ly` XXVI Vseros. nauch.-prakt. konf. V 2-x ch. (g. Rostov-na-Donu, 28 dekabrya 2020 g.). Ch. 2. Rostov-na-Donu, 2020. S. 239–243.
3. Kosorukov A.A. Tekhnologii «umnogo nablyudeniya» i social`nogo rejtinga v sfere gosudarstvennogo upravleniya // Teorii i problemy` politicheskix issledovanij. 2020. Tom 9. № 5A. S. 56–64.
4. Myaxanova A.N., E`rxitueva T.I. Formirovanie social`nogo rejtinga: kitajskij opy`t // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya Vnutrennej Azii. 2024. Vy`p. 3. S. 38–43.
5. Ovchinnikov A.I., Konopij A.S. Pravovoe stimulirovanie obshhestvennogo razvitiya i aktivnosti pravosoznaniya s pomoshh`yu social`nogo rejtinga v Kitae // Trudy` IGiP RAN. 2023. Tom 18, № 3. S. 57–79.
6. Potapov D.Yu. Pravovoj immunitet i soblyudenie principa ravenstva pered zakonom: problemy` yuridicheskoy doktriny` // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2013. № 3(28). S. 112–116.

7. Tagarov B.Zh., Salaxi D.E`. Social`ny`j rejting kak instrument gosudarstvennogo regulirovaniya // Global & Regional Research. 2024. T. 6, № 2. S. 159–164.

Научная статья

УДК 340.131.2

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НОРМАТИВНОГО И НЕНОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

**Янгаева Марина Олеговна, к.ю.н., доцент, Барнаульский юридический институт МВД России, доцент кафедры криминалистики,
fastofmosgu@bk.ru**

Аннотация

В статье автором затронуты некоторые важнейшие вопросы, связанные с разграничением нормативного и ненормативного правового акта. Отмечается законодательная неурегулированность статуса указанных актов в целом и рассматриваются позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ относительно трактовки сущности данных актов. Основной акцент делается на теоретических взглядах, изложенных в современной отечественной литературе по данной тематике. В частности, выделяются основные концептуальные подходы, с позиции которых может рассматриваться сущность правового акта, признаки (формальные и фактические), отличающие нормативный правовой акт от ненормативного; затрагиваются спорные вопросы признания отдельных актов нормативными. Поднимается проблема ненормативных законов, также нетипичных и смешанных правовых актов. Делаются выводы о возможности разделения всех правовых актов на нормативные по формальному статусу и фактическому содержанию, ненормативные акты по формальному статусу и содержанию, также акты, формальный статус и содержание которых не соответствуют друг другу. В конечном итоге обоснована приоритетность фактического содержания перед формальным статусом, как критерий для разграничения нормативного и ненормативного правового акта. Исходя из этого сделан вывод о признаке нормативности в актах Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: акт правоприменения, закон, источник права, ненормативный правовой акт, нормативный правовой акт, подзаконный нормативный акт, юридический документ

Статья поступила в редакцию 10.03.2025, одобрена после рецензирования 19.04.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ON THE PROBLEM OF DISTINGUISHING BETWEEN NORMATIVE AND NON-NORMATIVE LEGAL ACTS

Yangaeva Marina Olegovna, Candidate of Law, Associate Professor, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Criminalistics

Abstract

In the article, the author touches upon some of the most important issues related to the distinction between normative and non-normative legal acts. The article notes the legislative lack of regulation of the status of these acts as a whole and examines the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation regarding the interpretation of the essence of these acts. The main focus is on the theoretical views expressed in the modern Russian literature on the subject. In particular, the main conceptual approaches are highlighted, from which the essence of a legal act can be considered, the signs (formal and factual) that distinguish a normative legal act from a non-normative one; controversial issues of recognizing individual acts as normative are touched upon. The problem of non-normative laws, as well as atypical and mixed legal acts is raised. Conclusions are drawn about the possibility of dividing all legal acts into normative ones according to their formal status and actual content, non-normative acts according to their formal status and content, as well as acts whose formal status and content do not correspond to each other. In the end, the author substantiates the priority of the actual content over

the formal status, as a criterion for distinguishing between a normative and non-normative legal act. Based on this, a conclusion is drawn about the normativity feature in the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: law enforcement act, law, source of law, non-normative legal act, regulatory legal act, subordinate regulatory act, legal document

Введение

Вопрос разграничения ненормативного и нормативного правового акта (далее также – НПА) представляет интерес, прежде всего, с позиции осмысления теоретических проблем правового регулирования, хотя и в контексте практической проблематики он тоже является немалозначимым, поскольку любой правовой акт, так или иначе, относится к одной из рассматриваемых категорий, и зачастую присутствует необходимость разграничения указанных актов, в том числе и в практической сфере. На основе же действующего законодательства и положений теории государства и права разрешение вопроса разграничения рассматриваемых правовых актов оказывается весьма непростой задачей, ввиду наличия разных взглядов и противоречий в рамках данного вопроса. Поэтому целью статьи автор ставит уточнение спорных вопросов относительно разграничения ненормативного и нормативного правового акта, а также изложение и обоснование собственного видения обозначенной проблемы.

Основная часть

На момент подготовки данной статьи стоит констатировать, что федеральный законодатель оставил вопросы определения рассматриваемых терминов без должного нормативного уточнения, что является предпосылкой для острых дискуссий об их сущности не только в доктринальном, но и в практическом дискурсе. И здесь нельзя не обратить внимание на Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) и Верховный суд РФ (далее – ВС РФ), которые предприняли некоторые попытки по восполнению указанного пробела в нормативном регулировании.

Так, в 2015 г. КС РФ в одном из своих постановлений подчеркнул наличие указанного пробел в правовом регулировании и, сославшись на ряд отдельные нормативные акты, также упомянув сложившуюся правовую доктрину и юридическую практику, охарактеризовал нормативный правовой акт как «письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм» [2]. Конечно, указанное определение может быть взято за основу и в рамках научно- теоретического анализа, что, однако, не свидетельствует об отсутствии в каких-либо недостатков в нем.

Интересно и сформулированное там же определение правовой нормы как общеобязательного государственного предписания постоянного или временного характера, ориентированного на неоднократное применение [2]. Оно тоже может расцениваться как достаточно противоречивое, ведь в нем подчёркивается именно государственный характер предписания, а правовые нормы, как известно, уполномочено принимать не только государство и действующие от его имени субъекты, но и, например, коммерческие юридические лица, находящиеся в частной собственности, а также действующие от их имени руководители в рамках локального правового регулирования. Тем не менее, в целом позиция КС РФ относительно сути НПК понятна и, если не учитывать приведённого недостатка, нами поддерживается.

Что же касается ненормативного правового акта, то под ним КС РФ имеет ввиду акт, в котором содержатся разъяснения положений НПА, ориентированные на правоприменительную практику в целом [2].

В 2018 г. ВС РФ также дал ряд разъяснений относительно сущности НПА, причём в более детализированном виде, в том числе выделив признаки, которые отличают НПА. При этом к НПА справедливо были отнесены и те акты, которые издаются организацией или должностным лицом [3], в результате чего был

устранён недостаток определения, изложенного в постановлении КС РФ, рассмотренном выше.

ВС РФ также обратил внимание на фактический аспект нормативности, отметив возможность установления нормативного характера правового акта по отдельным признакам и указал на наличие нормативных свойств в актах, которые содержат разъяснения законодательства. В частности, к таким признакам было отнесено наличие результатов толкования норм права, которые используются в качестве обязательных в правоприменительной деятельности в отношении неопределённого круга лиц [3]. Таким образом, и ненормативный правовой акт может иметь отдельные признаки нормативности, то есть, по сути, являться нормативным лишь отчасти.

Позиции КС РФ и ВС РФ относительно определения сущности нормативного и ненормативного актов крайне важно учитывать в рамках теоретико-правового анализа, поскольку, как было подчёркнуто выше, они были сформулированы, в том числе, на основе правовой доктрины, а значит, представляют определённую ценность, будучи результатом официального обобщения достижений отечественной теории государства и права.

Было бы несправедливым утверждать о том, что вопросы разграничения ненормативных и нормативных правовых актов полностью остались без внимания регулятора. Например, в настоящее время имеются Методические рекомендации по определению нормативности правовых актов, разработанные в системе Минюста России [1], где имеются некоторые положения, представляющие интерес. Однако рассматривать данный документ как полноценную нормативную основу для разграничения анализируемых понятий вряд ли уместно, если учитывать именно его рекомендательный характер.

Тем не менее, некоторые аспекты указанного документа интерес представляют. Так, в нем обращается первоочередное внимание на те же признаки, которые подчёркивались и в проанализированных выше

постановлениях КС РФ и ВС РФ. При этом специально выделен локальный НПА как особая разновидность.

Представление о ненормативном правовом акте становится более конкретным, если обратить внимание на виды таких актов, выделенные в указанных Методических рекомендациях, а именно на:

- 1) индивидуальные правовые акты (в качестве адресата выступает конкретный субъект);
- 2) акты рекомендательного характера (не являются обязательными);
- 3) акты распорядительного характера.

Каждый из перечисленных пунктов может быть рассмотрен более детально, особенно с учётом наличия некоторых спорных нюансов. Так, необязательность актов рекомендательного характера зачастую является лишь формальной, фактически же документы, именуемые рекомендательными, являются обязательными к исполнению. В качестве примера можно привести методические рекомендации по подготовке научно-исследовательских работ в образовательных организациях, исполнение которых является фактически обязательным условием для допуска работы к защите.

Конечно же в научной литературе в науке взгляды на соотношение рассматриваемых феноменов разнятся, а потому есть смысл рассмотреть наиболее интересные позиции. И здесь стоит подчеркнуть наличие различных вариантов трактовки правового акта, который рассматривается как:

- 1) средство выражения воли обладающего властью субъекта;
- 2) предписание, которое носит властный характер;
- 3) форма осуществления управления;
- 4) вид юридических актов;
- 5) документ [8, с. 119–120].

Рассмотрение правового акта в каждом из контекстов представляется вполне обоснованным. Но принципиально отметить наличие определённых признаков, выделяемых в литературе и отличающих каждый из видов актов.

Причём такие признаки условно могут быть классифицированы, прежде всего, на формальные и содержательные.

Если брать за основу формальные признаки, то нормативный акт отличают:

- 1) форма и вид;
- 2) наличие конкретных процедур разработки и издания;
- 3) наличие у субъекта нормотворческих полномочий [9, с. 149–152].

Конечно же перечень указанных признаков при более детальном анализе может быть расширен, но в данном случае их не представляется необходимым рассматривать более детально.

Что же касается содержательных признаков нормативного акта, то среди них ключевым является наличие норм права, так или иначе обеспечивающих регулирование общественных отношений [9, с. 153].

Казалось бы, выделение указанных признаков является достаточной основой для разграничения нормативных и ненормативных актов. Однако практика правового регулирования и правоприменения, а также представленные в литературе теоретические взгляды на рассматривают проблематику свидетельствует об обратном: не всегда возможно однозначно установить принадлежность того или иного акта к категории нормативных или ненормативных, руководствуясь выделенными выше признаками, даже с учётом того, что указанные признаки в целом сомнениям не подвергаются.

Например, осложняет задачу разграничения рассматриваемых актов наличие законов, которые характеризуются ненормативностью. Здесь имеются достаточно интересные противоречия, ведь, с одной стороны, закон, будучи ключевым средством правового регулирования, принято рассматривать именно в качестве нормативного акта; однако не все законы содержат правила поведения. Некоторые из них констатируют лишь свершившиеся факты, как, например, законы об исполнении бюджета [6, с. 15–16]. Но наличие таких законов является скорее исключением из общепризнанного правила.

Тем не менее, сам факт наличия ненормативных законов даёт некоторым исследователям возможность трактовать нормативности (характеристику нормативности) максимально широко. Поэтому признак нормативности может связываться не только с наличием норм, но и с юридическими фактами [6, с. 19]. Иными словами, если тот или иной акт фиксирует определённые юридически значимые факты, то он де-юре может быть признан и нормативным.

Весьма спорным остаётся и вопрос, касающийся субъекта, правомочного принимать нормативные акты, ведь нередко в юридической литературе нормативный акт характеризуется именно как документ, принимаемый теми или иными государственными структурами. В связи с этим зачастую ставится под сомнение нормативный характер локальных правовых актов. И здесь существуют разные подходы. В рамках одного из них локальные правовые акты рассматриваются как ненормативные, обеспечивающие реализацию правовых норм. Однако есть и другой подход, с позиции которого создание локальных правовых актов рассматривается как продолжение деятельности государства, поскольку именно государство санкционирует возможность для тех или иных субъектов разрабатывать и принимать локальные правовые акты [4, с. 10]. В любом случае локальный правовой акт при наличии в нём норм автор считает целесообразным рассматривать именно в качестве нормативного. И думается, что на локальном уровне регулирования имеет место то же деление правовых актов на нормативные и ненормативные.

Нельзя не обратить внимание. На иерархическую встроенность нормативного акта в существующую правовую систему, что означает занятие им определённого места в этой системе и наличие соответствующего статуса. То есть имеется фактическая гарантия обязательности такого акта для исполнения [5, с. 155].

Определённо осложняет проблему разграничения рассматриваемых актов наличие некоторых нетипичных и смешанных актов, когда установление признака нормативности является крайне затруднительным. И в этой связи

имеется определённая потребность в обеспечении некоторого единообразия [7, с. 148], которое пока не достигнуто ни на уровне правовой доктрины, ни на уровне правового регулирования.

Говоря о нетипичных и смешанных актах, уместно упомянуть, например, акты КС РФ, которые являются актами правоприменения, а значит, им присуща ненормативность. Однако, учитывая обязательность позиции КС РФ для законодателя и прочих судов, уместно говорить и о нормативности такого рода актов [7, с. 29].

Заключение

Таким образом, вопрос разграничения нормативных и ненормативных правовых актов остаётся дискуссионным, так как ни законодатель, ни отечественная наука пока не выработали общепринятого подхода к разрешению рассматриваемой проблемы. Однако к единству целесообразно стремиться.

Главным же ориентиром для разграничения указанных актов стоит считать именно содержание, правовой смысл акт, исходя из чего все акты условно можно разделить на: акты, которые являются нормативными и по содержанию, и по формальному статусу; акты, которые являются ненормативными по содержанию и по формальному статусу; акты, которые у которых формальный статус не соответствует фактическому содержанию.

Соответственно, понимание сущности правовой нормы, а значит, и понимание сущности нормативного акта вполне может быть расширено. В этой связи даже отдельные судебные акты, в частности, акты КС РФ, отражающие его правовую позицию в оценке тех или иных норм закона Конституции РФ, тоже уместно рассматривать как нормативные.

Список литературы

1. Методические рекомендации по определению нормативности правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов в целях ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов

Российской Федерации, федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов и регистров муниципальных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации / Э.И. Атагимова, О.С. Рыбакова. М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2019. 140 с.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества "Газпром нефть"» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. 2019. № 6 (7764).

4. Давыдова М.Л. Локальные нормативно-правовые акты: терминологические дискуссии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 4–24.

5. Здунова Д.И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 155–157.

6. Музалевская Е.П. Ненормативные законы и проблема юридической нормативности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. Т. 21, № 1. С. 15–23.

7. Троян Н.А. Информационно-правовое обеспечение развития национальной системы правовой информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 204 с.

8. Уманская В.П. Система правовых актов органов исполнительной власти: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... док. юрид. наук. М., 2014. 410 с.

9. Уманская В.П. Современные подходы к понятию нормативных правовых актов в науке и практике // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 144–156.

References

1. Metodicheskie rekomendacii po opredeleniyu normativnosti pravovy`x aktov sub`ektov Rossijskoj Federacii i municipal`ny`x pravovy`x aktov v celyax vedeniya federal`nogo registra normativny`x pravovy`x aktov sub`ektov Rossijskoj Federacii, federal`nogo registra municipal`ny`x normativny`x pravovy`x aktov i registrov municipal`ny`x normativny`x pravovy`x aktov sub`ektov Rossijskoj Federacii / E`.I. Atagimova, O.S. Ry`bakova. M.: FBU NCzPI pri Minyuste Rossii, 2019. 140 s.
2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31.03.2015 № 6-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 chasti 4 stat`i 2 Federal`nogo konstitucionnogo zakona O Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii i abzacza tret`ego podpunkta 1 punkta 1 stat`i 342 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj otkry`togo akcionernogo obshhestva Gazprom нефть» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2015. № 15. St. 2301.
3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 50 «O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativny`x pravovy`x aktov i aktov, soderzhashhix raz`yasneniya zakonodatel`stva i obladayushhix normativny`mi svojstvami» // Rossijskaya gazeta. 2019. № 6 (7764).
4. Davy`dova M.L. Lokal`ny`e normativno-pravovy`e akty`: terminologicheskie diskussii // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2021. № 4. S. 4–24.
5. Zdunova D.I. K voprosu o sushhnosti yuridicheskoy sily` normativno-pravovy`x aktov // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2016. № 4. S. 155–157.
6. Muzalevskaya E.P. Nenormativny`e zakony` i problema yuridicheskoy normativnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2024. T. 21, № 1. S. 15–23.
7. Troyan N.A. Informacionno-pravovoe obespechenie razvitiya nacional`noj sistemy` pravovoj informacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2021. 204 s.

8. Umanskaya V.P. Sistema pravovy`x aktov organov ispolnitel`noj vlasti: teoreticheskie i prikladny`e aspekty`: dis. ... dok. jurid. nauk. M., 2014. 410 s.
9. Umanskaya V.P. Sovremennyy`e podxody` k ponyatiyu normativny`x pravovy`x aktov v nauke i praktike // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2019. № 3. S. 144–156.

CONTENTS

5.1.3. Private law (civil) sciences	9
Vavilin M. V. PUBLIC LAW PRINCIPLES IN THE CIVIL PROCESS	9
Kondratovich N. M. LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING THE INVIOABILITY OF THE PROPERTY RIGHT OF A BONA FIDE ACQUIRER	20
Kalyashin A.V. PROBLEMS OF NOTIFYING THE PARTIES IN THE FRAMEWORK OF CIVIL PROCEEDINGS	33
Khasenov M. H. IGNORING A SUBPOENA BY A GOVERNMENT REPRESENTATIVE AS A PROBLEM OF CIVIL PROCEEDINGS	47
Francis L. PRACTICAL ASPECTS OF CONFIRMING THE ACTUAL ACCEPTANCE OF INHERITANCE	58
5.1.5. International Legal Sciences	69
Skobeev V. P. DEVELOPMENT RISKS OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE	69
Pilipenko A. A. ALTERNATIVES TO THE BOLOGNA EDUCATION SYSTEM IN MODERN REALITIES.....	81
Mukherjee U. K. PRACTICE OF PROTECTING THE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS REPRESENTATIVES IN INTERNATIONAL SPORTS ORGANIZATIONS UNDER SANCTIONS PRESSURE	94
J. Denoncourt ON SOME CONTRADICTIONS BETWEEN THE NORMS OF FOREIGN FAMILY LAW AND THE FUNDAMENTALS OF PUBLIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION	106
5.1.1. Theoretical and Historical legal sciences.....	118
Ganesh A. ON THE SPECIFICS OF SOCIALIST LEGAL UNDERSTANDING IN THE THEORY OF STATE AND LAW.....	118
J. Atkinson ON THE QUESTION OF THE PERMISSIBILITY OF WAIVING THE PRINCIPLE OF GUILT IN THE FRAMEWORK OF LEGAL LIABILITY REGULATION ..	129
Yarmots Ye. ON THE CONTRADICTION OF THE IDEA OF A SOCIAL RATING SYSTEM TO THE GENERAL LEGAL PRINCIPLE OF EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW....	141
Yangaeva M. O. ON THE PROBLEM OF DISTINGUISHING BETWEEN NORMATIVE AND NON-NORMATIVE LEGAL ACTS	152